

Коммунальный
триллер

Деннис Коста

СТЕКЛЯННАЯ
ТАРА

18+

Деннис Коста
Стеклянная тара

«Автор»

2024

Коста Д.

Стеклянная тара / Д. Коста — «Автор», 2024

В мире осталось всего три города. Государством выступает Жилищно-Эксплуатационное Управление. Дворник Денис и почтальон Олег живут в городе Синьевской. Местной ценностью считается стеклянная тара, добываемая в шахтах. Однажды, они ввязываются в конфликт, который вынуждает их пойти на преступление. В это же время в городе объявляется некий Странник, вооружённый иными технологиями. Встреча с ним приведёт ребят к приключениям, которые изменят их судьбу.

© Коста Д., 2024

© Автор, 2024

Содержание

ПРОЛОГ	5
1	8
2	13
3	16
4	22
5	28
6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Деннис Коста

Стеклянная тара

ПРОЛОГ

Он осматривал город на экране личного коммуникатора. Приближал, отдалял. Всё, как он, в принципе, и ожидал. Это прекрасно. Коммуникатор нужно теперь выключить. Их секеры или охранники, или как их тут называют, наверняка имеют пеленгаторы электроники. Уже имеют. Он положил выключенный коммуникатор в тёмно-зелёный рюкзак. Снял с руки браслет и отправил туда же. Что ещё? Да вроде бы всё. Медицинский комплект и еда хранятся отдельно. Он приподнял ветку крупной упавшей ели и затолкал под нее рюкзак. Найти бы потом. Радиомаячок – не вариант, но он предусмотрел и это. Достал из кармана специальный маркер – такое точно не попадает под подозрение – и помалевал им по ветке, включая иголки, как можно шире. Следом выудил металлический фонарик. Посветил – есть, прекрасно видна метка. Можно ещё по дороге где-то оставить, всё равно чужому глазу не видно. Даже если пойдёт их чёртов дождь, то не смоет заразу. Да он и не собирался долго быть в этом... слово «город» вызвало улыбку. Ладно, пора идти.

Он проверил нарисованную вчера карту. Надо же, не зря он взял с собой полную бутылку, запечатанную. Этот «местный» как её увидел, так всё забыл. Конечно, покосился, когда стал у него спрашивать, где и что у них тут находится, просил нарисовать. Расспрашивал, как относятся к чужакам, есть ли какие проверки. Вряд ли поверил в версию про бежавшего из другого города.

Накинув капюшон, он двинулся в сторону города. Понимал, что рискует. Возьми он с собой хотя бы браслет – и ему ничего не угрожает, может, только местная преступность. А так – ну поймают с браслетом – отправят назад. А вот без всякого «опознавательного» могут долго разбираться. Зато так – он невидимка. Ну, в определённой мере. У вчерашнего информатора достал куртку с надписью «ЖЭУ». Чтобы это ни значило. Но всё равно – поведение, взгляды, речь. Такое, особенно в ограниченном обществе, запалят на раз. Зато так далеко мало кто заходил. Кажется, только один раз принесли стекляшку, подтверждавшую, что она издалека. Это важно. У него две цели, но совершенно не равнозначные. Только бы он был в этом... месте.

На город опустились густые сумерки, что ему было только на руку. Город освещался, если такое можно назвать освещением. Достаточно, чтобы не врезаться в столб или не свалиться в яму. Он из-под капюшона поглядывал на прохожих. Люди, конечно, не какие-то мутанты, но всё же – люди местные. Вот навстречу прошёл мужчина, как раз под фонарём. Вроде и не старый, а только очень взрослый. Изношенный – вот подходящее слово. Какой-то темнолицый. Но люди – ладно, с ними проще.

Так... по карте получается, что вот сейчас перед ним пищевая фабрика. Нужно пройти дальше, до перекрёстка. Направо – центр этого поселения. А вот если пройти прямо и шагать-шагать...

Ага, не обманул информатор. Вон, отдельно стоящее здание, одноэтажное. Рядом высокий металлический столб, на котором висят решётки и торчат, как усы, длинные пруты. Возле входной двери никого нет. Он замедлил шаг. Хотел оглядеться, но нет – это подозрительно.

Внутри коридор со стенами синего цвета. Он потрогал рукой эту синюю блестящую краску. Что за вещество они используют? Не встречал такого раньше. Две двери. На одной табличка «Аппаратная». Вторая – «Студия». Он аккуратно приоткрыл дверь аппаратной, готовый, если что, дать дёру на улицу. Внутри, на столах, куча ящиков с лампочками. Перед ним

на стуле похрапывает какое-то тело, с наушниками на голове. Отлично. Есть окно в соседнюю комнату. Там сидит девушка. Должна быть *она*. На ней тоже огромные наушники – ужас просто. Это всего лишь для передачи звука? Перед ней бумажная книга! Их он видел, узнал сразу. А свисающий к лицу металлический цилиндр, видимо, передатчик её голоса. Хорошо бы этот передатчик на время выключить. Этот спящий умеет, а сам попробуй – разберись. Он посмотрел на большой пульт. Надпись – «Исходящий уровень», и рядом – пластмассовый прямоугольник в специальной ложбинке. Мигает ряд зелёных лампочек. Что за странный такт мигания? Он догадался – это же голос. Это индикатор сигнала, идущего от девушки. Входящий – то, что прилетает от неё. А исходящий – в эфир. Он отодвинул ручки обоих уровней в самый низ и лампочки перестали мигать.

Он тихо вошёл в комнату к девушке и встал чуть сбоку. Сейчас она его заметит. Она увидела, брови поползли вверх. Взгляд осмотрел куртку и снова вернулся на его лицо. Он улыбнулся и жестом показал снять наушники.

– Извините, у нас небольшие технические неполадки. Вернёмся совсем скоро. Эй, Саша, у нас... – она перевела взгляд на окошко аппаратной и уже открыла рот, но вошедший её опередил.

– Не волнуйтесь, всё ок. Успокойтесь. Вам ничего не угрожает. Я притушил тут ваш сигнал. Аудитория ваша, думаю, сильно бухтеть не будет, да?

– Вы... Какая-то авария или поручение? – она вновь посмотрела на эти три буквы «ЖЭУ» на куртке. Последние её слова звучали неуверенно и он, услышав это, улыбнулся.

– Вы не удивляетесь, как я выражаюсь, да? Знакомые слова?

Девушка молча на него смотрела.

– Я ж говорю – опасности нет. Я не из официалов. Приватно.

Заметил, как она напряглась, и поднял руки. Универсальный жест.

– Почему вы в куртке «ЖЭУ»? – спросила она. – Вы...?

Вопрос так и не сформулировался.

– Давайте я не буду Вас и себя задерживать, а сразу скажу, что мне нужно? У Вас же тут добывают всякие интересные ископаемые? В том числе – из прошлого. Из стекла, например. Это же правда?

Девушка кивнула.

– Так вышло, что я копнул инфу. Не про Вас – само собой. Про отправленных сюда. Чтобы мне было проще к кому-то обратиться. И получается, как бы немного неясно – мутновато. Вы должны жить тихо и спокойно, мониторить нужное вам. Я подрядил локала, чтоб он меня провёл. А по адресу никого и нет. Пришлось снова обратиться за помощью. Вроде видели такую девушку на радиостанции. Что делает? Да книги народу читает! Вроде и не особо запрещённое, но как-то это пахнет образованием, нет? Я послушал вашу программу. Пришлось особый девайс коннектировать и настраивать. То есть, вы, как никто, знаете о жизни вокруг. У вас, получается, есть тут особые права, даже документ, ну раз занимаетесь информацией. И никто не будет напрягаться, если вы где-то третесь, расспрашиваете. Я потому и пришёл к вам. Мне не нужно ничего... опасного. Просто поможете мне кое-куда пройти, поспрашивать кое о ком.

– Но... зачем вам это? Почему я должна вам помогать?

– Ну Вы же вот читаете книги... – он взглядом указал на стол. – Любите заглянуть за край вашей привычной жизни. Как было раньше или как могло быть. Или как теоретически будет. Вот только есть вопросик – а можно ли Вам делать это для *них*? И я вот подумывал: может, обратиться в мою, в *нашу* службу контроля, чтоб объяснили. А то вдруг нарушается закон? Я так не смогу.

Девушка неожиданно выхватила из подставки на столе тонкий нож с деревянной ручкой. Сжала его в кулаке.

– Эй, не надо такого! – пришедший осторожно шагнул вперёд, а затем резко бросился на девушку. – Отдайте эту штуку или положите обратно.

Он одной рукой пытался заблокировать её движения, а второй вытащить из кулака нож.

– Ай! – вскрикнул парень и схватился за руку. Засвистел от боли. Они оба повернули головы к окну в аппаратную, но спящего крик не потревожил.

– Ну, что ж такое, – шипел парень, осматривая ладонь. Он достал из кармана тюбик с медицинским гелем. Закатал рукав, повернул руку внутренней стороной вверх. Выдавил из тюбика немного розового геля и растёр поверх раны. Кровь смешалась с веществом и тут же перестала течь. Он посчитал в уме до десяти. Рукавом куртки стёр остатки геля и продемонстрировал руку девушке.

Порез был еле виден. Кровотечение не наблюдалось абсолютно, словно это была царапина об ветку, не до крови. Но и она быстро бледнела, исчезая.

– Что, давно такого не видели? Забыли уже? А если бы у меня с собой геля не было, то как? Блин, на пол тут вам накапал. Сорян.

– Здесь стоит научиться останавливать кровь способами попроще.

– Так что мы решим? Будете пытаться меня на куски порезать или попробуем поговорить? А то Вы тоже тут одичали. Все тут такие? Давайте, чем скорее решитесь, тем быстрее врубим ваш эфир.

Девушка посмотрела на легко окровавленное лезвие и отвела руку с ножом.

– О, это выглядит попрικольнее, – парень сжимал руку в кулак. – Уже и не болит. Давайте же, соберитесь. Закончите свою работу и поговорим. Я и так не стал отлавливать Вас на улице. Тогда бы сразу, наверное, пырнули. А как Вас здесь зовут? Ну ладно, можете не говорить. В общем, договор? Я подожду снаружи.

– Что вам нужно? Вы тоже, как те – остальные? Ради экстрима и хайпа? Сами не справитесь?

Он улыбнулся:

– Вспомнили слова. Всё, что я хочу – лишь кое-что здесь добыть. С собой взять, будем считать, что чисто по фану. Это, может, я бы и сам вывез. Но тут такое дело... Будет супер, если найду своего... одного человека. Очень важного для меня человека.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕНЬ ЖЭУ

1

Рабочая смена не задалась с самого утра. Хотя чуть позже Денис решил – с прошлого вечера. Единственная передача на радио, которую он слушал, и та прервалась, а потом и вовсе ведущая извинилась. Обещала дочитать в следующий раз. Это, видимо, был знак. А теперь ещё и на участке ненужная возня.

– И как это понимать? – возмущённо выпалил Денис, обнаружив вскрытым навесной замок на двери подвала. А он повесил его только в прошлую пятницу. – Опять что-то напутали в аварийке! – Денис снял вдетый в петлю железной двери замок и, покрутив в руках, увидел затворочный механизм. Сразу видно – вскрывали второпях.

В подвале одного из вверенных ему домов, он хранил необходимый инструмент и многоразовые мешки для мусора, обедал и почитывал книги. Те самые, найденные.

Он зашёл в подвал. Свет уже горел. Инструмент стоял, как и прежде, у стены, мешки – выглядывали из крупного ведра.

– Ну вроде всё на месте... – прошептал Денис. – Выключили хотя бы свет, козлы...

С правой стороны подвала всё засыпано щебнем. Это сделал он сам, когда пришлось распорядиться подготовиться к зиме. Впереди, по центру, у стены стоял стул с высокой спинкой и деревянный самодельный столик, который Денис притащил в подвал с мусорной площадки.

Он прошёл к столу и надел рюкзак на спинку стула.

Денис точно помнил, что отдавал один из трёх ключей в связке в «аварийку». Неужели так сложно выделить брелок или твёрдую ткань, вдеть ключ в кольцо, подписать и повесить на стену вместе с остальными? Четыре простых действия. Конечно, вахтёры сменяют друг друга, но ведь это не значит, что ключ от дома может вот так вот затеряться. Вполне возможно, что он гуляет по карманам слесарей или плотников, но всё это уже не важно. Кто-то не стал заморачиваться и просто сломал замок. Теперь ему необходимо возвращаться в контору и брать новый.

С уборкой двора придётся ускориться. Потому что, во-первых, беготня с заменой ключей занимает время, а во-вторых, неизвестно, куда его отправят сегодня – на разгрузку материала на базу (*вход туда – целая процедура: направление, запись личных данных, проверка – не утащил ли в кармане ведро краски*) или, например, в помощь малярам – ставить строительные леса. Они же, как всегда, сами не будут успевать. Всё-таки, на носу День ЖЭУ – город надо немного привести в порядок. Загримировать, будто всё на самом деле отлично. Люди поверят, что эти серые бетонные коробки – их прекрасный дом, а не место, окружённое мёртвым миром. Хоть бы дождь не пошёл, а то в дождевике неудобно, а переждать не разрешат. Удивительно, но на День ЖЭУ никогда не было дождя.

Хорошо ещё, если из всего списка подготовок ему придётся прибирать только бесхозный участок. Ничего смертельного – в основном листья. Жёлтый сезон же, как-никак. Хотя с листьями было по-своему красиво. Порядок, получается, есть отсутствие живых деталей, нарушающих неподвижность идеальной картинке. Денис подумал, что такую мысль можно записать в свой ежедневник.

Сейчас надо пройтись – вычистить урны. Посмотреть, не накидал ли кто крупного мусора на детских площадках. Конечно же, накидал. Правильнее сказать тогда – не «посмотреть», а собрать накиданное. Пора идти.

– Доброе утро, – поздоровался Денис с коротко стриженной женщиной в голубой курточке. Её волосы были тёмно-рыжего оттенка. Денис слышал про такие народные рецепты. Женщины стараются зачем-то скрыть естественную для возраста седину периодическим под-

крашиванием корней. Из какой она квартиры? Не смог вспомнить. Она проходила мимо, когда Денис защёлкнул новый замок на подвальной двери.

– Для кого как, – отозвалась женщина. – Что это ты там делаешь?

– Меняю замок, – объяснил Денис.

– Меняют они, – недовольно отозвалась она. Её имя Денис до сих пор не знал, несмотря на то, что давно работал на этом участке. – Лучше бы за состоянием подвалов с такой частотой следили, с какой замки меняете.

– А что не так с подвалами? – поинтересовался Денис. – Я стараюсь держать их в чистоте...

– Да может и ничего, но мы с мужем живём на первом этаже и под нашей спальней, видимо, случилась авария, или трубы протекают... не знаю, но постоянно неприятный запах... спать невозможно...

– Авария? Трубы? – переспросил, еле слышно, Денис.

– Да-да... они – трубы, – в подтверждение, что услышала, ответила женщина. – Уж не знаю, что там, но ты уж, будь добр, сообщи вашей мастерице. А то я дозвониться не могу, а у меня муж контуженный, и *ароматы* эти не переносит. Разве он не имеет права спокойно уже дожить? За все те годы на сортировке, где он здоровье и оставил, – она, поёжившись, передёрнула плечами, как бы сообщая, что начинает замерзать, пока стоит и говорит с Денисом. – Такое чувство, что этот город медленно убивает и меня, и мужа... Хотя, нам рассказывают, что наоборот – спасает.

Её слова звучали мрачно.

Денис резко перевёл взгляд с женщины на пасмурное небо, которое не первую неделю угрожало дождём, но не приводило угрозу в исполнение. Денис и сам отлично чувствовал это настроение неопределённости, некое подвешенное состояние.

Неудивительно: до совершеннолетия он воспитывался в приюте города Серов, а потом его перевели в Синьевской, администрация подыскала ему работу. Выделили жильё. Кем были его родители, и были ли они вообще, не знал. Для него это было тайной за семью печатями, и подступался он к ней не часто, а как только *зуд любопытства* угасал, Денис старался специально об этом не думать.

– Парень? С тобой всё хорошо? – напомнила о себе женщина. – Что вы все какие-то – не от мира сего.

– Хорошо, я посмотрю... – только и ответил Денис.

– Тебя как зовут?

– Денис.

– А меня, Василиса Павловна, – представилась она. – И ещё одно, пока не ушла, пойдём я тебе кое-что покажу...

Они обошли половину дома с торца. Тут, у отмокши, газон был засыпан большой горкой щебня. Планировался ремонт, но так и не успели. Не выделили всего остального, для бетона. Время от времени детвора то и дело бегала по куче, и щебень ссыпался за границы бордюра на дорогу. Да может, вторичная уборка и отнимала какое-то время, но пока Денис подметал и перекидывал излишки обратно, про себя радовался, что у детей есть хоть какое-то развлечение, помимо скрипучей, кое-как крутящейся карусели в этом дворе.

– Вот видишь, я *уже* насчитала *пять* закрытых форточек в подвале, – женщина сделала акцент на словах "уже" и "пять", – и это... – она, как возмущённый образцовый жилец, подняла вверх указательный палец, – ... не считая окон, заложенных кирпичами. Не могу понять, к чему это сделано? Под домами разве копают? Так бы вонь уходила. Ещё морозов пока нет.

– Не знаю, зачем они заложены, но некоторые из тех, что вы показали, просто не могут быть открыты.

– Да? Это ещё почему?

– Внутри на окнах установлены решётки, и форточки нельзя открыть настежь. С этим я сделать уже ничего не смогу, решётки приварены. Но на те, что можно открыть свободно, я вставлю камешки. Тогда из-за ветра они захлопываться не будут.

Василиса Павловна удовлетворённо кивнула.

Денис облегчённо выдохнул, когда решил, что все претензии женщины закончились, но...

– Так ты вопрос с вонью решишь?

Мысленно Денис уже проклинал это утро и десять раз пожалел, что поздоровался с этой женщиной. Но не зря же говорится: благими намерениями вымощена дорога в ад.

Она, наконец-то, ушла к своему подъезду. Денис понаблюдал, как Василиса Павловна искала ключ в кармане куртки, вошла. Вместе с ней ему идти не хотелось. Денис бегло осмотрел свой участок, чтобы оценить, насколько он запущен: на первый взгляд, территория была идеально чистой – ни мелких веток, сорванных ветром, что с каждым днём становился прохладнее, ни летающих кусков полиэтилена, окурков, которые могли вот так просто путешествовать по двору. Такое встречалось у коллег Дениса, не считавших такой мусор, мешающим жить. Жители «Денисовых» домов явно старались не подкидывать своему дворнику лишней работёнки. *Ну, за исключением сегодняшней смены.* Он перевёл взгляд со скучной площадки на горизонт. Там Денис видел отливающие синевой холмы. В какую бы сторону света ни посмотрел житель города Синьевской, везде он их видел. Отвалы из шахт. Будто великан играл в своей огромной песочнице и насыпал таких вот куч. Или гигантские муравьи построили свои дома. Всё бесполезное от прошлой цивилизации.

– Ну что, поменял замок? – уточнила мастер – женщина в серо-красной спецовке с эмблемой Департамента Уборки на правой груди (скрещённые метла и лопата), когда Денис вошёл в мастерскую. – Это уже не вам! – она крикнула это в чёрную трубку и положила её на телефонный аппарат.

– Да, Карина Дмитриевна.

– Ты сегодня, кроме своего участка, возьмёшь бесхозный и Лаврентьева. Не косись, его я отправляю к малярам. Кстати, только что звонила какая-то женщина, квартира тридцать семь, жаловалась на запах в подвале.

– Посыпать подвал хлоркой? – опередил мастера Денис.

– Ага, разбежались. Не жители решают, что и когда делать, а наше управление. Когда нужно будет – почистим подвалы. Хлор на дороге не валяется. Запах можно пережить, не конец света. И так содержим город в какой-никакой чистоте. Нет, ты работай над тем, что дали.

Комната для собраний забила под завязку. Денис расписался в журнале посещения и встал к остальным мужикам, так как все сидячие места были заняты женщинами и пожилыми. Голоса гудели об этой невероятной бутылке, найденной дворником.

– Это ж Толян нашёл, да? Где он?

– А зачем ему теперь метлой махать. Там вроде отвалили ему как за полгода.

– Как бы ни больше.

– Что ж там за бутылка такая? А где нашёл?

– Так он и сказал правду. Но это чистая везуха. Толян то за город точно не ходил. Вы представляете его диким добытчиком?

Послышался смех.

– Там вроде этикетка даже целая. Или вообще всё целое.

– С жидкостью? Обалдеть.

– Ага. Он по радио даже выступал. Всё официально. Принёс, сдал. Дали премию.

– Ну, а как такое неофициально проведёшь. Слышал, он дерево мёртвое корчевал, ну, а под ним бутылка, ещё в каком-то ящике, потому и сохранилась.

Денис, нехотя слушал всё это и вроде завидовал, а потом понял – нет. Чему завидовать? Уйти с работы и жить полгода на эту премию всё равно нельзя. Ну, закажет себе радиоприёмник новый, компактную печку для разогрева еды, одежду, и что? По сути, вернёт кредиты тем, кто их дал.

За стол, возглавить собрание, прошли Карина Дмитриевна и Михаил Юрьевич – из Службы Безопасности. Он был положен по штату. Присматривающий. Официально он присутствовал на случай конфликта, или кто нетрезвый явится и начнёт воду мутить. Ну и, чтобы ничего не спёрли. Но Денису этот дядечка всегда казался подслушивающим. Кто, где, что увидел или нашёл. Сегодня он как-то особенно пристально сканировал всех взглядом. Или Денису просто показалось.

– Итак, коллеги, – начала Карина Дмитриевна, – в прошлую пятницу я прошла по ближним участкам и некоторые из них оказались в ужасном состоянии и *хорошо*, – слово "хорошо" она произнесла громко, – что проходила я. Если бы это был главный инспектор ЖЭУ, то по шапке получили бы не только вы, но и я. Вот в западном отделении Департамента всё получше. Не наглейте! Вариантов особо нет. Или вы думаете, выгонят из Уборки и переведут в тёплое местечко? Нет, за нарушения – трудовой отряд. А отряд могут отправить и в Серов, в кислотные цеха. Да и нет тёплых мест, или хотите, чтобы ваши женщины были дворниками, а вы шили одежду или нянчили чужих детей, работали в теплицах? – она на мгновение опустила взгляд на документы перед собой, тяжело выдохнула, вновь взглянула на подчинённых и плавным движением с карандашом в руке обвела каждого со словами: – Запомните, если кто-то ещё из начальства, кроме меня, увидит вас пьяными или не будете выполнять планы – меня оштрафуют на премию. И тогда оштрафуют каждого из вас.

– Да мы и так не жиреем, – сказал один из дворников. – Что у нас ещё отбирать.

– А вот узнаешь, – сверкнула глазами мастер.

– Да ладно, Юр, успокойся. Это ко Дню ЖЭУ бесятся. А потом на фиг кому что надо...

– Кому не нравится – не держу! – мастер повысила голос.

В мастерской повисла минутная тишина.

– Все мы тут трудимся, чтобы получить *за-ра-бот-ную* плату. Но не только. Иначе никак, что я вам как ученикам рассказываю. Забыли, где живёте? Тут нельзя не работать. Сами, прежде всего, загнёмся. Не забываем об этом, коллеги, – нарушила тишину Карина Дмитриевна. – Поговорим о другом: в прошлую пятницу закончился сезон покоса травы. Артём и Валерий ударно поработали, тридцать дворов выкосить – это вам не клумбу у дома подстричь. Молодцы. В эту пятницу, как все помнят, Синьевской отмечает День ЖЭУ, а это значит...

– Что весь мусор будет на площади, – пошутил тот же мужик, что возмутился за штраф.

– Всё верно, – продолжила Карина Дмитриевна, бросив на него недовольный взгляд: мало того, что его трезвого легко можно спутать с пьяным, так он ещё и позволяет себе её перебивать. – Но ты особо не радуйся, сам себя мусор не уберёт и не рассортирует.

– Карин Дмитриевна, а, правда, что Глазов нашёл крутую бутылку и получил огромную премию?

– Про бутылку – правда. Про премию – сомневаюсь. Вам же дай большую премию, так город перевернёте.

Мастерская наполнилась смехом.

Не любил Денис эти собрания. На него здесь смотрели свысока. Отправили в дворники в таком возрасте – значит больной, возможно, на голову. Не учиться же поехал. Например, для Департамента Энергетики. Или совсем дохлик. Иначе бы – в шахты, на фабрику, Службу Безопасности. Хотя остальная компашка – те ещё «граждане». Трое из них сколотили банду, по-другому и не скажешь.

Худой и лысый Иванов у них за главного. Он, вообще-то, был не рядовым дворником или мастером, а Инспектором. В его полномочия входил контроль за всеми остальными. Иванов не имел полномочий раздавать приказы, но мог наблюдать за выполнением, засекал нарушения, сообщать обо всём этом начальству. Ну и двух «товарищей» он к себе «прикрепил». Те тоже махали теперь языком, а не мётлами. Выглядели устрашающе, признавался сам себе Денис. Наглые, грубые. Готовые пойти дальше слов. Денис не сомневался, что именно такие как они могли и за город ходить. Отлавливать редких везунчиков, откопавших бутылку. А потом скажут – нашли, убирая подвал или чердак. Но попробуй мимо таких просто пройди. Они и так постоянно подначивали Дениса – эй, молодой, помоги мешки унести, принеси забытый инструмент. Послать их Денис не решался. Не на кого морально опереться, он был один. И побить могут, и подставить. И сейчас вот сидят, будто они и есть начальство, и перед ними тут распинаются. Остальные Денисовы коллеги разношёрстные, но в тоже время, такие как он. Такие как все. Уставшие, наполненные жизненными проблемами, смирившиеся со своей судьбой. Ничего ведь не изменится.

– Так, коллеги, я ещё раз напоминаю, что предпраздничную подготовку наверняка проверит главный инспектор. Не расслабляемся, заканчиваем всё вовремя. Чтоб в глаза, хотя бы ничего не бросалось. Забирайте праздничные баннеры и флажки. Это вам говорю, да. А вот вы, дуйте за побелкой. Как обычно – площадь и, максимум, улицы рядом...

Карина Дмитриевна прошла весь список задач, раздав их сотрудникам. Подписала накладные на выдачу материалов. Заполнила ведомости и приказала каждому расписаться. На Иванова взглянула исподлобья, но ничего не сказала.

– У меня всё, коллеги, – встала она из-за стола. – Разрядка закончена. Сейчас, за мной. Разбираем инструменты-материалы, и расходимся по рабочим местам.

Денис продолжал стоять на месте, когда рабочие отправились вслед за Кариной Дмитриевной к кладовой. Дворники столпились в кучу – каждый намеревался взять мешок или ведро первым. «Охранник» Михаил Юрьич тоже вышел, кинув на Дениса косой взгляд. Денис убедился, что никого вокруг нет, с волнением в сердце подошёл к стене и взглядом отыскал нужный ключ. Вроде для хорошего дела берёт, а всё равно – без разрешения страшно. Он выглянул в коридор, заметил, как группа стремительно уменьшается и, пока не попался, сдёрнув ключ, присоединился к оставшимся.

Бочки с хлоркой находились в том же доме, что и контора. Несмотря на то, что Денис плотно закрыл за собой дверь, ветер всё равно продувал подвал сквозь бреши в стенах.

Помимо двух белых пластиковых бочек здесь хранились инструменты, если их ещё можно было так назвать. Четыре, может, пять ржавых совковых лопат со сбитыми кончиками; пара стёртых до черенка мётел и гнутые веерные грабли. Правда, «хранились», тоже звучит слишком громко: просто-напросто валялись на земле среди сгоревших, почерневших от времени и искр переходников и спутанных между собой проводов, покрытых кольцами жёлтой и голубой лент. Где-то в углу можно было заметить комки, когда-то использованных тряпок с пятнами краски и давным-давно высохшей грязи или цемента.

Денис надел рабочие перчатки с резиновым покрытием, защищающим ладони от раздражения химией. Они казались ему надёжнее тряпичных. И в них было чуть приятнее совать руку в наполненные дождевой водой урны после ливней. Он убрал крышку бочки в сторону, вдел правую ладонь в полиэтиленовый мешочек (в котором, до вчерашнего вечера ещё лежали его любимые с детства солёные крекеры) и, задержав дыхание, чтобы не сжечь слизистую, несколькими цепкими движениями набрал хлорки. Пересыпал в маленькую пластиковую бутылку. Затем развёл водой и отнёс к себе в рюкзак.

2

Снова лопнул наплечный ремень. Олег посмотрел на упавшую сумку. Он не мог понять, чего ему сейчас хочется больше – отпинать ногами этот долбаный кожаный мешок, футболить его, пока ноги не зануют от боли, или поднять, швырнуть в ближайшую стену и заорать. Заорать от отчаяния, само собой.

«Иди в почтальоны, сынок. Без куска хлеба не останешься, и целый», – увещевал Олега отец. – Прикидывайся, стони, но не лезь в шахту. Там если дают заработок, то в обмен на здоровье». Да уж, «кусочек хлеба», оказалось, в прямом смысле. Не более. Олег не застал времён мифической всеобщей Сети, но тот же премудрый отец травил по наследству байки ещё своего отца (а тот, скорее всего, слышал от своего), дескать, каждый мог отправлять мгновенные сообщения, да ещё из дому. Отделения почты – почтамты – были местом сборищ ретроградов. Что такое ретрограды Олег не знал. Профессия такая, что ли. На кой куда-то ходить, если всё можно делать из дому? И какой же распрекрасный был мир, что до сих пор разгребаем за ними.

Зато сейчас без почтальона никуда, а сумку новую выдать не могут. Досталась Олегу торба, Бог знает, какого года, цвет уже с трудом разберешь – то ли синяя, то ли чёрная. В Синьевском их вроде не шьют, но могли бы заказать.

Вот, с утра сначала обойди все почтовые ящики, собери письма. По-умному называется «выемка корреспонденции». Олег думал, лучше бы слова такие сложные забыли, а не обновление сумок. Пока все точки обойдешь, да и где-то замок жвачкой заклеили, где-то обоссали ящик (это ж надо еще так раскорячиться или терпеть неделю, для напора).

Сейчас вынет из ящика всё, что вынимается и обратно на почту. По вторникам и субботам вывоз на пункт отправки, где корресп. . . короче, писульки эти забирают.

И что, кто-то специальный туда едет? Нет, всё те же почтальоны. И попробуй, опоздай – штраф впаяют (ха, это при условии зарплаты пятьсот кредитов). У Олега бывали мысли с осуждением. Он же нормальный, сильный парень. А прорвался работать на почте. Другие же перекапывают эти бесконечные шахты, подвозят нужные вещества на пищевые фабрики. Работают на гидростанции или с металлом. Это уже, правда, в других городах. Однако почта тоже оказалась не развлечением. Нет, на почте, конечно, не так жёстко, как в добыче и переработке, но и этому начальству неважно какая на улице погода, и с какой скоростью человек вообще может ходить. Однажды, ещё в детстве, Олег читал какую-то древнюю сказку, и там у одного коллеги был велосипед! Красота. Такие бывают и сейчас, но редко. Их, кажется, только восстанавливают, а не производят. В Синьевском просить какой-то транспорт бесполезно. Зачем, если ты и так успеваешь, ногами? Хотя велосипед топлива не просит, может, где поискать, кредитов за сто-сто пятьдесят. Хотя, кто ж такую вещь продаст. Разве что, владелец умер, но на такое везение лучше не рассчитывать.

Ох уж эти кредиты. Олег сам не мог понять, почему его это так беспокоит. Ведь не сказать, что все вокруг купаются в роскоши и едят со стеклянных столов. У всех одни и те же магазины с товарами. Тут ещё эта новость про бутылку. Чёрт, ну нет в мире справедливости. Вот нужна она этому дворнику?

Конечно, Олег слышал про Сборщиков, которые уходят за город, где-то копают, находят бутылки. У тех, наверняка, есть лишний кредитик за душой. А за него можно просто прийти и взять кроссовки, не откладывая несколько месяцев и не подклеивая старые. Можно, на крайняк, набрать кучу еды. Олег сам себя отругал за детские мысли. Ещё бы ящик сладостей сказал. Хотя, это здорово.

Он подошёл к одному из многоквартирных домов. Чисто как-то. А, ну да, праздник же завтра, вот они дворников загнали вылизывать.

Достал из сумки охапку конвертов, рассовал по щелям ящиков. Несколько от ЖЭУ, у них фирменные. Долги и долги. Или извещение о переводе на другое место работы. «Личных», с написанными от руки адресами, чуть больше. Они как люди, думал Олег, все разные. Толстые и тонкие, аккуратные и замызганные. Олег поймал себя на мысли, что надо побольше общаться с людьми, раз уж конверты становятся для него личностями. Хотя, с конвертами как-то спокойнее.

Синьевской особым образом давил на Олега. Нет, если переехать в Серов или где-то дальше, может, есть еще города, то работы станет больше, в этом сомнений нет. Это здесь у них в некотором роде «городок». Да, вокруг шахты, есть пищевой комбинат, своя гидростанция для энергии, делают из привозного сырья ткани, выращивают еду в очищенных местах и теплицах. Это всё можно назвать «мелким». Вот у других – там добыча нефти, переработка и добыча металла. Пластика. Ну и, само собой, стекла. Они также окружены опасностью, оставшейся от Великих Предков. Также отвоевали себе куски планеты, где можно жить. Очистили, что смогли очистить. Расширяться, тем не менее, особо некуда, да и незачем. Вроде бы всего хватает. Как известно, путь к доступным чудесам, так, чтобы кредиты лились рекой, и везде дороги и машины – ведёт в никуда. После него как раз и приходится жить, как живут сейчас. Но Олег не мог отделаться от мысли о больших возможностях. Хотя бы в медицине. Больше попыток, всё равно лучше отчаяния и смирения с болезнью.

Он снова заставил себя вернуться в реальность. Всё равно городов-то в округе три, и то до третьего письмо дней десять идёт. По крайней мере, только туда можно отправить личную корреспонденцию или запросить поездку. Побывать бы там, но стоит кредитов. А что увидишь? Такие же дворы, смесь травы и бетона? Огромные кучи в конце горизонта? А, ну в Серове ещё цветной дым из их труб.

Олег заканчивал с этим домом и в последнем подъезде встретил девушку. Спускалась с этажа, такая вся энергичная, волосы разлетаются. Он ей усмехнулся. В ответ получил улыбку, но в комплекте со взглядом – снизу вверх. С оценкой. Может, эта улыбка была сокращённой версией фразы «Ты серьёзно, что ли, на меня глаз положил? Ты?». Вот опять мысли ушли к кредитам: так бы купил ей чего-то, предложил сходить в лес – городской, безопасный. Нет, это звучит как-то устрашающе. Прогуляться, взяв с собой вкусняшек и попить. Но надо бателекарств купить. Он упирается, мол, мне там чего-то выписали, выдают. Но всё это фигня. Есть препараты посильнее, под заказ. Но стоят как кроссовки. И принять их надо не один раз. Чёртов город. Может попроситься в другой, там, где завод. Или в родных краях, но в добычу.

Или покопать самому.

Краем глаза заметил движение у соседнего дома. А, из Департамента Уборки. Звучит не то, что просто «дворник». Какой-то чёрт зашуганный на вид. Лицо такое – «я всего лишь серый человечек в этом злом мире». Хотя, так оно и есть. В подвал попёрся.

На углу этого дома висел ящик для сбора писем. Свежепокрашенный, праздничный. Олег потрогал пальцем – не липнет. Открыл ключом дверцу.

Из почтового ящика в сумку высыпалось десятка полтора конвертов. Всё – то же самое. Ощущение, что одно и то же закладывает и вынимает. Олег повернул голову и даже дёрнулся от неожиданности. Подошёл этот чмырь из Департамента, тихо как-то, даже не услышал.

– Чё такое? – нахмурился Олег.

– Извините, что напугал...

– Да ладно, пугатель...

– Я не хотел...

– Короче.

Парнишка мялся, искал слова. Олег поднял брови, говоря: «Рожай уже!». Сумку без ручки было неудобно держать. Словно на двадцать килограмм потяжелела.

– Да у меня письмо вот с собой. Думал закинуть, а тут уже забираете...

– Так тебе чё, просто письмо отправить?

– Ну да.

– Блин, – Олег выдохнул. – Давай. Родственникам пишешь?

Олег не рассчитывал на ответ, но получил его:

– В интернат, где вырос. Просили писать, рассказывать про себя.

– А, – Олег забрал конверт и покосился на собеседника. – Похваляешься работой в самом Департаменте Уборки?

– Да, я всего лишь дворник...

– А я думал начальник. Попросить как раз тёплое местечко. У вас там, поговаривают, можно и бутылочку лишнюю найти.

Дворник снова замолчал, пытаясь одновременно улыбнуться и удивиться. Ох, и типок.

– Да ладно, не стремись, – Олег искренне ему усмехнулся. – Я тоже не директор завода. Просто думал, у вас там побогаче. Но это там, под землёй. Кредиты бы не помешали. Ладно, захочешь увидиться – залезай в конверт и прыгай в ящик. Покедова, дворник.

Тот лишь вяло махнул рукой.

Сдав все дела, Олег забрал сумку с собой. Быстрее сам ручку починит, чем ждать замены или другой сумки. Или начальник скажет – ну ты, верёвочку привяжи. Ага, себе привяжи, на шею. От почтамта до дома чапать с полчаса. Проходящий троллейбус тоже неизвестно когда появится. И остановится ли. Внутри набит усталыми добытчиками, которые смотрят на чужого, как на залетевшую муху. Пока нам не мешаешь – летай тут, и громко не жужжи. Нет, лучше уж пешком.

Навстречу прошёл патруль из двух сотрудников Службы Безопасности ЖЭУ. Зыркают по сторонам внимательно. Олега тоже обожгли взглядом, но больше презрительным. Хрен с ними.

По пути зашёл в магазин. Десять кредитов на апельсины. За апельсин. Один. Блин, стоят как целый обед, даже больше, но их выращивают мало, так он слышал. В какой-то особой теплице. Батя нюхал их, успокаивался. Ему даже не столько плод был нужен, сколько кожура. У него сгоревшее от испарений на заводе Переработки горло, полдня кашель. От кашля – головные боли. Но вот апельсин волшебным образом помог. Батя блаженно улыбался и прикрывал глаза. Уже потом пилить будет за дорогую покупку.

Олег отпер дверь своей квартиры. Хриплый кашель из глубины.

– Я это, я – разуваясь, ответил Олег на вопрос, который хотел задать отец.

Он отнёс ему апельсин, сам ушёл на кухню, приготовил себе чаю. К празднику дали микро-премию, часть которой ушла на печенье. Олег взял одну штучку и пошёл с чашкой на балкон. Вот он, Синьевской, с высоты девятого этажа. Видны искусственные холмы, тонущие в тумане. Вдалеке – лес со старой лыжной базой. Поблёскивает в вечернем свете река, фонари гидроэлектростанции. Виден и другой лес, уже за городом. На вид – такой же, но уже смертельный.

Олег макнул печенье, откусил и запил чаем. Умиротворение. Так всегда, когда смотришь вдаль. А внизу всё те же хмурые улицы, вся та же, спланированная заранее и за тебя, жизнь. Может, правда сменить работу или поузнавать насчёт «копанок» в лесах? Кто-то ж там выживает. Одежда, наверное, специальная, может, химические препараты...

Олегу надоели мрачные мысли. Он решил в пятницу обязательно сходить на площадь. Всё-таки праздник, надо развеяться.

3

Вечером, после смены, пройдя мимо мрачного взгляда Михаила Юрьевича, Денис вышел из конторы. Он шагнул в сторону, с дорожки на траву, чтобы не преграждать путь другим, закончившим смену работникам. Осмотрел давно знакомый пейзаж, словно ждал от него чего-то новенького. Вот двор сорок четвёртого дома по улице Фёдорова, в котором находится контора; через дорогу, напротив, точно знал Денис – площадка с пятью крупными синими мусорными контейнерами и логотипом «ЖЭУ». Всегда идеально «вылизанная», служащая образцом для остальных. Начальство всегда прикрепляло этот «главный» двор за особо провинившимися дворниками. Его нельзя было убрать «как-нибудь». Вздохнув, Денис вернулся на тротуар и побрёл к выходу со двора.

– Ден, сигарету? – догнал Дениса Григорий – высокий, худой мужчина с голосом курильщика со стажем. У него на руке была татуировка из Трудового Лагеря. Григорий это особо и не скрывал, да и не был единственным таким в их коллективе. Говорил, что и дымить начал там же. Якобы дым создавал барьер для вредных веществ. Хотя никто толком не знал, из чего делают сигареты, но заявлялись, как не опасные. Денис в одной из книг читал про изготовление сигар из листьев растений. Но не в Синьевском же, и даже не в Серове.

– Я ведь не курю, – напомнил Денис. Он был уверен, что не раз говорил об этом. Денис не понимал почему, но, несмотря на хорошее к нему отношение со стороны Гриши (ровесники могли его так называть), он немного побаивался этого двухметрового работягу в летней спецовке. Грише, видимо, было всё равно, что уже холодная половина октября. А может, ему и холодно, но не подаёт виду.

Здороваясь с Гришей, Денис чувствовал, как сводило желудок, и предательски подрагивала рука.

Знал ли Гриша, что Денис иногда цепенеет при виде него? Для Дениса люди, отбывшие наказание, казались опасными, готовыми тебя сломить, попробуй только им возрази. Киплинг в "Книге джунглей" писал – "*Мы с тобой одной крови*". Этого Денис точно не испытывал. И не только к Григорию. Ко многим.

– Ах, точно, всё время забываю, – сказал Григорий и закурил сигарету. Он вынул из железной коробочки спички, подкурил и, убрав обратно, сунул её в нагрудный карман. – Ладно, до завтра, Ден, – мужик пошёл к дому на выходе со двора.

«Везёт тем, кто живёт рядом с работой... – подумал Денис, набрав носом полные лёгкие осеннего воздуха. – Не то, что мне, пешковать через половину города».

Пешковать и размышлять Денис, несомненно, любил, но после двадцатых чисел темнело на улицах раньше. В городе зажигались фонари только в центре, но День ЖЭУ творил чудеса. Бригады прошлись дворами, вкрутив лампочки. В любом случае, безопаснее было возвратиться домой до наступления темноты. Хорошо некоторым женщинам-коллегам – за ними заходят мужья, а некоторые, как и Денис, плетутся через город сами. Троллейбус только для отдалённых производств, через город идёт проездом. Обычно заполнен, подобрать человечка не сможет физически. Порой, такие одинокие женщины казались Денису даже смелее мужчин. Смелее его. Неизвестно, на кого или на что могли наткнуться по пути: нажавшиеся рабочие (а то и сотрудники Службы Безопасности), просто неадекватные люди, которым только дай повод пристать. Просто ради забавы, может даже ограбления (попробуй потом докажи, что именно они тебя очистили). А ещё, есть люди, которые просто могут всё бросить и идти жить на улицу. Выпрашивать еду, кредиты, вещи. Наверняка, воровать. В одни моменты Денис сам опасался такого народа, а в другие, думал – хорошо вот так валяться в углу и не быть никому должным,

не иметь начальников, планов и переживаний. Хотя, долго такие элементы на улице не живут, ЖЭУ всё равно подчистит.

Наивно веря, что станет теплее, он сунул ладони глубже в карманы и зашагал из двора чуть быстрее.

Первое, на что падал взгляд и, что просто не могло ни обратить на себя внимание – единственный в Синьевском торговый центр. В двух шагах от его работы. Их отделяли друг от друга лишь две широкие дороги, разделённые давным-давно заросшей линией трамвайных путей.

Торговый центр выделялся на фоне остальных, окружавших его домов, своим внешним видом – обшитый синим пластиком. Все его «соседи» потускнели, их цвета смыли вредные дожди, оставив после себя блёклые серые конструкции. Синий ТЦ в сером Синьевском. Почти поэзия, усмехнулся про себя Денис.

Если не считать походы с работы, Денис нечасто поднимался в этот район, чтобы посетить "Столичный" – именно так назывался местный ТЦ. По выходным сюда приезжал троллейбус с покупателями. Специальный маршрут. В магазине жизнь казалась чуть веселее. Люди толпятся, весёлый гомон, дети. Выбор товаров вполне обычный, но многие есть только здесь. Это алкоголь на разлив или сигареты есть повсюду. Не надо далеко ходить. А вот за курткой или радиоприёмником топай в ТЦ.

Если пройтись по всё той же улице Фёдорова далеко вниз, то натыкаешься на трамвайный парк. На металлически-скрипучих от ветра и времени воротах висит большой замок. Сам же трамвай, который ходил в своё время по городу единственным рейсом, сейчас стоял внутри парка, прямо во дворе. Для современных детей он был пришельцем из неизвестного прошлого. Мир рухнул, а это чудо техники уцелело. Его забросили из-за сложности прокладки рельс. По городу просто катать людей уже не было обязательным, а до производств рельсы еще доведи. Поэтому из транспорта предков выбрали троллейбус. Был ли этот трамвай «живой» на веку новых жителей Синьевского, Денис не знал. Когда его направили в город, эта железка уже ржавела от безработицы. Может, кто-то из сослуживцев ещё и помнил те времена, когда можно было прокатиться через весь город по выделенному пути. Быстро и недорого. Говорят, так не бывает, но мало ли.

Денис прошёл исписанный баллончиками торец дома. Здесь, кажется, жил Гриша. На бетоне изобраили бутылку из тёмно-зелёного стекла.

Денис иногда представлял себя в прошлом. Когда Синьевской заново обживался. Когда рядом гудели башни очистки, были карты наименее безопасных маршрутов. День за днём люди отбивали у Прошлого своё Будущее. Чистили, чинили, работали, выращивали. Теперь он, Денис Бардин, может вот так, спокойно, прогуливаться с работы и позволить себе мысли о жизни. Денис в такие моменты мог даже устыдиться своих мыслей о серости существования.

Свернул налево, чтобы спуститься к центральной улице Ленина, ведущей на площадь. В центре неё с тех же древних времён стоит высокий памятник. Лысый мужик с резкими чертами лица и уверенной позой. Чем конкретно он был знаменит, Денис не знал. Одна из воспитательниц в интернате в шутку говорила своим сослуживцам, что Ленин (он был и в родном городе Дениса) показывает рукой в сторону алкогольного магазина, куда её муж то и дело частенько захаживал с пятницы по субботу. Эти походы заканчивались отсыпанием по воскресеньям перед длинной рабочей неделей. В детстве такая версия казалась Денису и остальным воспитанникам забавной, взрослой. Став старше, он, конечно, понял, что это всего лишь шутки женщины, которой нужна была разрядка в компании коллег, в обеденный перерыв за чашкой чая. Ещё она говорила: «А в итоге он и, правда, оказался живее всех живых», но Денис не понимал смысл этих слов. Он так и не узнал кто это, кроме как «известный в своё время человек».

Сейчас Денис шагал по улице Ленинского Комсомола. Денис подошёл к памятнику у здания, первоначальное назначение которого уже потерялось во времени. Длинное, в высоту четыре этажа. Много заложённых кирпичом оконных проёмов. «Склад №9», – кратко сообщила табличка.

Памятник посвящался одному из изобретателей радио, уроженцу города. Это Денис услышал как раз по радио. Творение хранит память о своем творце. Искусственный изобретатель прикладывал к уху трубку, проверяя связь. Внизу, под изваянием значилось:

*Попов
Александр
Степанович*

Денис не раз обещал себе спросить в городской библиотеке книгу с его биографией. Как это – изобретать? Это его отобрали по особой программе? Хотя, тогда же, всё было как-то по-другому. Видимо, была возможность. Но, в очередной раз, посещая библиотеку, Денис забывал о данном себе обещании.

– В эти выходные точно зайду, – прошептал Денис. Убедившись, что не едет служебный транспорт или троллейбус, он быстрым шагом перешёл широченную дорогу.

Обе стороны улицы Ленина – место встречи почти всех горожан. Банк, где отсыплют народу кредиты. Мебельный магазин. Там много смотрят, мало покупают. Ну и самая живая точка – «напитки здоровья», как в шутку называл их тот же Григорий. Без них, говорил он, жизнь сразу темнеет и тяжелеет, будто болеешь. А хряпнуть чего-нибудь живительного – отпускает. Уже и на работу идти чуть легче. Денис ни разу не заходил в этот магазин. Там кружились и мужчины, и женщины. Даже царила некая праздничная атмосфера. Покупали с удовольствием пластиковые бутылки. Кому на подарок – из металла. А кому – для постоянной подпитки или очищения грязно-мрачной реальности – подходили к кранам со своими ёмкостями. И ряд этих кранов по некоему ранжиру: от лёгкого хмельного послевкусия, до прозрачного мощного средства от всех проблем.

В общем, есть куда сбросить зарплату, это удобно. В магазинах и весело, и грустно. Отдавать кредиты, которые тебе только что начислили – трудно. Хочется за каждый из них получить максимум. Но здесь же, ты можешь хоть немного «улучшить» свою жизнь. Добавить в неё маленькое яркое пятнышко, штришок индивидуальности.

Магазин "Ткани и Шитьё" с полками нитей, игл и пуговиц. Там всегда кучковались покупатели. Женщины внутри внимательно рассматривали и щупали рулоны ткани. Какую-то даже производили в Синьевском, Денис это знал. Починить, подшить, а то и вовсе изготовить на заказ. Без этого никуда. Денис сам покупал там толстую иглу, зашить спецовку. Здесь людей гораздо больше, чем в магазине с одеждой. Она всё равно почти вся одинаковая. Цвет – главное различие между моделями рубашек.

Дальше была столовая-булочная, благоухающая сквозь приоткрытую дверь ароматами выпечки и напитков. Там тоже ни сказать, что огромный выбор, но свежую булку можно есть каждый раз как в первый. Ещё дальше по улице – аптека и подвальное помещение с входом из красного кирпича с простой вывеской: "Ломбард". Он открыт круглосуточно. Без труда можно обменять собственные вещи, заработанные потом и безвозвратно утраченными нервами на кредиты, на сумму в разы ниже себестоимости. И пришедший туда, воспринимает это помощью и добродетелью. Выкупить своё добро можно в определённый срок, так как по истечении оно – ты больше не владелец, а всего лишь прохожий, который может поглазеть на бывшую собственность в витрине. Или купить её во второй раз.

Денис, конечно, мог добраться до общежития, пройдя через всю площадь, в тысячный раз, увидев «аквариум» Службы Безопасности, автомат с напитками (два кредита – стакан) или

посмотрев в ларьке на чёрно-белые журнальчики с кроссвордами. Рядом стенд с местной газетой. Кто не хочет её покупать или переться в библиотеку, может почитать здесь. Денис лучше бы сходил в библиотеку. Книги его манили. В них можно нырять с головой. Снова пообещал себе сходить в гости к книгам, но потом. Сейчас он свернул во дворы.

У одного из длинных многоподъездных домов Денис увидел парня в тёмно-голубом пальто, с сумкой в руке. Невысокий – пониже Дениса. Незнакомец стоял у ящика, рядом с высокой, вымощенной досками, лестницей. Чёрт, неужели не успел. Денис скинул с правого плеча лямку рюкзака, расстегнул средний отдел и, пошарив внутри, вытащил конверт с письмом. Он писал его уже несколько дней, набегами. В подвале в обеденные перерывы. Если не отправить сейчас, то следующая выемка через несколько дней. И спешить вроде некуда, но Денису хотелось побыстрее. Он ускорился и подошёл к бурчащему себе под нос почтальону.

Тот вопросительно нахмурился и что-то спросил. В спешке Денис не услышал, что именно.

– Извините, что напугал... – начал Денис.

– Да ладно, пугатель, – ухмыльнулся почтальон.

– Я не хотел...

Почтальон явно дал понять, что Денису стоит быстрее излагать мысль, иначе он уйдёт, а потом ищи-свищи его. Беги к ещё не опустошённому ящику, или на почтаamt.

– Да у меня письмо вот с собой. Думал закинуть, а тут уже забираете...

Почтальон уточнил, для отправки ли письмо.

– Ну да.

– Блин, – почтальон выдохнул. – Давай. Родственникам пишешь?

Он не рассчитывал на ответ, но получил его:

– В интернат, где вырос. Просили писать, рассказывать про себя.

– А, – почтальон забрал конверт и покосился на собеседника. Взгляд остановился на куртке с логотипом. – Похващаешься работой в самом ЖЭУ?

– Да я всего лишь дворник...

Почтальон пробросил шутку на счёт тёплого местечка и возможность обжиться стеклянной тарой, ковыряясь в грязных местах. В неприятной Денису дерзкой манере подколот на тему его положения в ЖЭУ. Денис же снова замолчал, пытаясь одновременно улыбнуться и удивиться.

– Да ладно, не стремайся, – почтальон искренне ему усмехнулся. – Я тоже не директор завода. Просто думал, у вас там побогаче. Но это там – под землёй. Кредиты бы не помешали. Ладно, захочешь увидеться – залезай в конверт и прыгай в ящик. Покедова, дворник.

Денис лишь вяло махнул рукой.

Когда почтальон скрылся за углом дома, Денис усмехнулся себе, своему волнению и поведению с таким, как этот почтальон. Лицо ещё такое дерзкое. Дениса сразу неприятно пробиравало, когда он таких встречал. Как будто мимика этого человека сразу же бросала тебе вызов: «Я готов с тобой побороться, а ты? Ты что-то имеешь против меня? Ты кто вообще такой?» С ними важно не ударить в грязь лицом, подсобратиться и поймать общую волну: шутит над тобой, а ты в ответ подшути над собой в два раза жёстче. Тогда он поймёт, что ты не из дерьма слеплен, хоть и подбираешь это дерьмо последние несколько лет. Как писали в одной книжке: «Чтобы тебя не подкололи, сделай это сам, тогда у других не будет повода тебя подначивать».

Денис накинул лямку рюкзака обратно на плечо, подтянул её ремешок, чтобы держалась крепче, и отправился в общежитие. До него ещё немало скучных дворов, лавочек, тропинок, взглядов безразличных и испуганных. Сейчас хотя бы всё чистое и аккуратное. Как будто во всём мире наступает праздник.

Денис отпер дверь в комнату. Ручка его двери, вопреки всем остальным, поднималась вверх. Кто-то установил замок вверх ногами, а может и саму дверь. «У тебя особенная, не как у всех», – усмехался комендант, вручая Денису ключ.

Полы штор на огромном окне, занимавшем большую часть стены, колыхались на ветру, обдувающим комнату через форточку. Первым делом Денис раздвинул шторы. Несмотря на пасмурную погоду и пока что отключённые фонари снаружи, в комнате стало светлее. Пора завязывать с долгими проветриваниями, думал Денис, закрывая окно. Засомневался, что куски ткани и газета поверх них спасут его от морозов скорой зимы. На следующей неделе он специально выделил вечер выходного дня, чтобы заделать ватой все видимые щели. Сидеть в непрветренном помещении тоже невесело, учитывая сочащиеся запахи от соседей (некоторые готовили прямо в комнатах, хотя положено было тащить свою электрокастрюлю на кухню), но лучше, чем мёрзнуть, гораздо лучше. Зимой бывало так холодно, что Денис просыпался. Накинутая поверх одеяла куртка не помогала. Денис не выдержал и потратил солидный кусок зарплаты на обогреватель. И то купил в ломбарде, чуть дешевле. Он жрёт энергию, но хотя бы можно спать. Зимой тариф был чуть-чуть дешевле. Жаль, без таймера модель, так бы включался только на время, и была бы экономия.

Денис повесил рюкзак на два настенных крючка, расшнуровал и снял пыльные от грязи берцовые сапоги. Потерев продрогшие ладони, он перекатил обогреватель от письменного стола к другому маленькому столику, на котором, между электрическим чайником и кастрюлей, лежал удлинитель.

Денис включил его в розетку, а затем вдавил в него посильнее штепсель обогревателя. Отрегулировал режим обогрева до комфортной ему самому температуры и уже, словно, почувствовал будущее тепло. Снова напомнил себе про нелогичность (да чего уж там – тупость) выветривать комнату, а потом за свои деньги обратно поднимать градусы.

Столик заменял ему полноценную кухню, ведь на нём умещалось всё необходимое: мешочек соли, сахарница, пачка пакетированного чая и банка с кофе. Ничего лишнего. На лишнее нет кредитов.

Оставалось принять тёплый (он надеялся на это) душ и прилечь отдохнуть. Душ находился в подвале. Денис взял полотенце, сменное бельё и универсальный шампунь.

С мыслью, что его и после работы преследуют подвальные помещения, Денис вышел из комнаты.

Он шёл по длинному коридору, в котором постоянно без надобности горел свет. По привычке, выученной ещё в интернате, Денис то и дело подходил и щёлкал выключатели в целях экономии. Соседи потом гудели: «Кто вырубил свет? Как тут теперь идти?». Рассказывать про экономию озлобленной женщине, только пришедшей с работы, он не решался.

Часть дверей были открыты. Не хочешь, а заглянешь в чужую жизнь.

Из одной комнаты пулями выскочили двое мальчишек, чуть не сбив Дениса. В руках сжимали железные кружки. Наверное, мать что-то варит на кухне. Из другого проёма шёл стойкий запах растворителя.

– В зелёный сезон надо было красить, – бурчал недовольный старческий голос.

– Ну, папа, как вот смогла купить да время выкроить – вот и крашу! Или думаешь у меня дома дел...

Денис не дослушал окончание. Ещё в одной комнате трое мужиков играли в карты. Почему с открытой дверью – загадка. Искали компанию. Один обернулся на Дениса, но тот быстро прошёл мимо. Хватало ему таких компашек на работе.

Из туалета вышел Славка, местный псих. Лет тридцать-сорок. Неопасный, вот и поселили в общежитие. Он даже работал на грузовом терминале Синьевского, таскал ящики. С ним мало о чём можно было поговорить – он о себе ничего не помнил, кроме того, где сейчас работает, и как его зовут. Ни, где он вырос или откуда пришёл. Не помнил имя, возраст, при этом был

абсолютно здоров. То есть, он где-то ел, спал в нормальных условиях, а значит – работал и до грузового Терминала, и потери памяти. Точно не мок под местными дождями и не питался водой с сухим печеньем. Он выглядел даже здоровее большинства жителей общаги. Зло завидовать у местных язык не поворачивался, лишь ворчали: если в голове нет проблем, то и в теле тоже. Временами Славка казался Денису испуганным и благодарным одновременно. Как зверёк, которого приютили. Ничего не понимает, но добро ценит. Вполне обычный человек, никаких умственных отклонений, кроме отсутствия воспоминаний, детской наивности и не заметишь. Мог странно на тебя посмотреть, будто видел впервые, но не более. Приходил даже иногда инспектор, проверял подопечного.

Славка приветливо улыбнулся Денису.

Следом из туалета вышел дядя Толя. Он шёл, опираясь на стену и, время от времени опуская–поднимая ведро с красной крышкой. Он жил намного дальше от Славы и был соседом Дениса. Теперь уже больше, чем соседом. Тоже вроде подопечного. Когда Денис впервые увидел это ведёрко с красной крышкой, он тут же мысленно задался вопросом, что же в нём хранит старик? Перебирал множество глупых вариантов. Но однажды спросил напрямую и услышал, что это всего лишь моча и дерьмо. Денису стало стыдно, хотя вроде бы не за что. Может, за то, что жалуется на всякую ерунду, не думая, что такое настоящие трудности.

– Уже отработал, Денис? – спросил дядя Толя.

– Да, – кивнул Денис.

– Ну, молодец! Зайди ко мне завтра утром – хочу попросить тебя сходить мне за жратвой.

– Хорошо, – Денис вышел из коридора на лестничную клетку.

Вода в душе была «летняя», но хоть не ледяная. Денис ждал, может, потечёт теплее – никак. Он прыгнул под струи, яростно натирая себя мочалкой, чтобы согреться. Потом также тщательно вытирался. Зато бодрости прибавлялось целый вагон. Даже воздух после такого купания казался гораздо теплее. Главное – не простудиться.

Вернувшись в комнату, Денис с удовольствием положил руку на обогреватель. Сейчас придётся его выключить, чтобы вскипятить чайник и залить лапшу кипятком. Оба прибора проводка может не выдержать. Беги потом, включай предохранитель обратно. Денису в данный момент хотелось только поесть, может, чуть почитать и спать. Даже радио неохота включать. Он сегодня очень устал. Плюхнулся на кровать с мыслью о завтрашнем дне. Последнем – перед праздником. А потом всё снова вернётся в привычный режим.

4

Утром Денис по привычке включил радиоприёмник. Он достался ему вместе с железной кроватью, столиком и старым табуретом. «Поседевшая», бывшая когда-то чёрной, коробочка с логотипом ЖЭУ и уходящим в стену шнуром. Радиостанция вещала и на радиоволнах, но в зданиях нередко стояли проводные приёмники. Три кнопки, три программы вещания, три информационных слоя. Сплошная музыка, для тех, кто хочет «фон». Детская волна, где живёт другой мир. В котором, помимо песен, есть место героям и приключениям. Но у Дениса всегда нажатой была третья кнопка.

Он подошёл, выкрутил ролик громкости наполовину. Радио Департамента Информации кому-то могло показаться глупым, и как раз быть фоновым, но не Денису. Да, большую часть времени там зачитывали местные новости, или соседних городов. Репортажи с предприятий. Беседы с работниками из разных сфер. Рассказывали про нарушения, наказания. Сообщали статистику по смертям и рождениям. Предупреждали об опасности выходить надолго за город.

Денис слушал не информацию, а человека. Он и сам переносился в комнату с ведущим (с *ведущей*), как будто она всё рассказывала именно ему. Внутренне Денис давно был с ней знаком. Западающее в память, как и её голос, имя – Евгения Беккер. Женя. Слушая её подкаст (она сама называла передачу таким странным словом) «Час с романом» о литературе, Денис всегда вёл с ней диалог. Прокручивал мысли, соглашался или возражал. Женя могла обсуждать книгу или читать её фрагменты. Бывали и стихи. Остатки литературы, той – прошлой ужасной цивилизации, нравились Денису гораздо больше сочиненного в новое время. Современные произведения он, вообще, слышал лишь однажды. Да, этих остатков было мало, даже в библиотеке, и Женя в подкастах читала иногда работы, которые Денис не смог найти в фондах. Бывали и уже очень знакомые Денису книги. Ведь вокруг большинства книг из прошлого было сформировано чёткое мнение. В лучшем случае – фантазии, направленные на обман или на приукрашивание своего мира. На отвлечение от реальных проблем. Женя же могла разглядеть в них нечто другое. Денису было приятно услышать другое мнение про то, что уже читал – будто обсудил с другом, которого не было.

Денис представлял себя беседующим с ней перед микрофоном. Утверждалось, что подкаст идёт в прямом эфире и Денис ничуть в этом не сомневался. Конечно, в прямом – вот же она, звучит сейчас и для него. Женя не вещала круглые сутки, но это было плюсом. Передача считалась «узконаправленной» и её ставили в неудобное время – поздно вечером. Как раз, когда Денис мог позволить себе отдохнуть. Сейчас ему достаточно просто послушать, как звучит Женя.

Денис не сразу понял, что не так. Почему, настроенный на определённый голос мозг, подаёт тревожные сигналы. Он послушал пару секунд. Со слушателем общается мужчина, а не девушка, чей голос он запомнил на всю жизнь и узнал бы в толпе среди тысяч других. Как бы здорово было услышать её где-то рядом, найти по голосу и подойти...

В Синьевском, насколько знал Денис, была радиовышка. Там сидит Евгения Беккер, или это ретрансляция из другого города? Говорили, что вроде бы, никакой прямой связи, кроме спецтранспорта, между городами нет, но это может «нет» для бытового использования. Делают же как-то заказы материалов. В Синьевском не так много производится из того, что есть в их жизни. Хотя, Женя никогда не упоминала, откуда она. Могла рассказать и про Серов, и про Синьевской. Для слушателей она жила в своей радиорубке.

Мужской голос, вполне возможно это был ровесник Дениса, не сказал о Евгении ни слова. Может быть, это гость? Нет, этот, казавшийся после Жени грубым, как скрежет металла, бари-

тон, читал отрывок из какой-то книги, современной, про правильный образ жизни. Может, и неплохо читал, но Денис физически не мог его принять. Может, заболела, подумал он про себя.

Денис подошёл к обуви у входа, оценить состояние. Нужно мыть или ещё на денёк сойдёт. В нос пробрался знакомый, резкий запах, заставивший кашлянуть. Он с озадаченно-нахмуренным лицом посмотрел по сторонам, надеясь найти источник.

Первым делом взгляд Дениса устремился на вентиляцию. Решётка была как раз над входом, и на ней висел лёгкий слой паутины, которую неплохо бы убрать. Нет, запах где-то ближе. Он проверил ведро с мусором, но и оттуда так не несло. Денис вытряхнул его вчера вечером. Он вновь вернулся к курткам, и запах ударил в нос. Среди одежды Денис увидел рюкзак, повешенный вместе со спецовкой вчера после работы. Он открыл все отделения, пока не добрался до среднего. Громкий кашель, вперемешку с чиханием заполнил комнату. Хорошо, что рюкзак был закрыт. А то с запертой форточкой тут была бы камера пыток. Противный режущий запах ещё может выветриться, а вот с рюкзаком нужно будет основательно поработать.

Забыл он забежать к этой Василисе Павловне с её проблемой. Вот же судьба. Воняло у неё в подвале, он решил помочь, и забрал запах себе. Вчера же, в конце смены, собирался заскочить в свой подвал, заодно и посыпать проблемный, но его перехватили, передали новые указания с пометкой «сделать вчера». Всё ж делают в последний момент.

Денис тогда развернулся и так и пошёл, с бутылкой хлорки в рюкзаке. Работа вычистила из его головы все лишние мысли, а домой он вернулся, еле волоча ноги.

Пришлось нагреть воды, замочить рюкзак в моющем порошке. Пускай денёк поотмокает, а потом ещё один – повисит на воздухе. Проклятую бутылку завернул плотнее, закрутил в пакет.

– Ты так и не исправил ситуацию? – улыбалась Василиса Павловна, когда на следующее утро Денис отпирал первую дверь. Вход в подвал был обнесён сваренной из вертикальных прутьев решёткой.

– Как раз хочу этим заняться, – Денис указал женщине на бутылку с раствором хлорки в кармане спецовки. Караулит она его, что ли? Ведь не было же на горизонте, откуда появилась? Он и так выкроил минуты в финишной предпраздничной уборке города, чтобы устранить проблему. Вкупе с недовольством, хоть и высказанным добрым тоном, улыбка Василисы Павловны придавала её выражению лица мрачный оттенок. И это напрягало. Напрягало то, что Василиса Павловна может так сесть на шею, что он будет вынужден просить другой участок, чего ему совсем не хотелось. Да и не дадут.

Ведь в этом дворе он знал каждый уголок и прямой, а при его смене придётся притираться к новым жильцам и особенностям территории. Это как новая одежда. Купил такую же точно рубашку, но ощущения другие, пока не привыкнешь.

Мусорные контейнеры стояли не у каждого дома, а одна точка на несколько дворов. Если на твоём участке такое «удобство», то работа может показаться вечной пробежкой белки в колесе. Туда будут сносить мусор отовсюду. Неаккуратность, ветер, просто неуважение дворника как профессии – и вот, вокруг всегда будет что-то валяться, а ему следи за чистотой.

– Давай, давай, учти, я проверю, – тоном мучителя сказала милая женщина. Улыбка не спадала с её лица до тех пор, пока она не ушла к себе.

Денис с облегчением выдохнул. Он отпер навесной замок и вошёл в подвал.

Щёлкнул выключателем и увидел небольшую кучу щебня у правой стены с приставленными к ней метлой и максимально укороченной ("для малышей", как пошутили бы мужики) лопатой, которой было удобно набирать мешки. Напарника-то не всегда давали. Чем удобнее инструмент, тем больше набранных мешков.

По сравнению с подвалом, где «командовал» Денис, этот проход под домом был в несколько раз уже.

Денис прошёл вперёд по узкому коридору между блочными стенами и «сарайками» жителей. Освещался подвал неоднородно, «островками». Там, где в патронах были лампочки.

Заканчивался коридор темнотой. Василиса Павловна жила в угловом подъезде, и Денис понимал, что ему нужен именно тот дальний отсек, утонувший во тьме. Хотя, какое-то пятно света проглядывалось.

Денису узкие помещения дискомфорта не доставляли. Он чувствовал в них себя свободно. Однажды, в шутку предположил, что они его не пугают, может, потому, что он рождён в год китайской мыши – такой же увёртливый. Слово "крыса" он предпочитал не использовать, поэтому вычитав в стареньком календаре о знаках зодиака и символах рождения, применял исключительно слово «мышь». Что такое «китайская», Денис из той старой книжечки в интернете, не узнал. Наверное, особый вид.

В квадратном помещении под потолком зияло окно. В него, совсем немного вверху, виднелась полоса улицы и ноги проходящих мимо людей.

В самом отсеке не было засохшей смеси грязи, щебня и вытекших отходов, но были сырые пятна под трубами, с которых капал конденсат. Пропитанная влагой земля, пахла гнилью. Противно, но не сказать, что сводит с ума. Неужели Василисе Павловне, дай ей Бог здоровья, этот запах не давал жить? Так теперь она узнает другой, не менее слабый. Денис полил хлоркой углы отсека, над которым по его расчётам должна находиться квартира, прошёл к стене левее от окна и наткнулся на проход. Оттуда резко пахнуло. Денис достал свой динамофонарь. Задержав дыхание, зажужжал ручкой фонарика и вошёл. Проход этот вёл в узкий кармашек – помещение вдвое меньше того отсека, где сейчас он проводил санобработку.

На полу валялась куча тряпья. Денис, морщась от вони, водил лучом фонарика. Вроде чья-то куртка. Воняло палёным и противно-кислым. Старой мокрой тряпкой. Денис надел перчатки и брезгливо откинул одежду в сторону. Рюкзак. Грязный, но целый. Ремень, плетёный. Денис видел такие в магазине. Стоят прилично. Он размышлял: забрать себе или отдать в переработку. Чья эта комната? Не дворника точно. Среди кучи блеснуло. Денис присел и поводил лучом света, пытаясь снова отловить эту маленькую вспышку.

Надо же. Крохотный осколок стекла. Он осторожно прилепил его к пальцу и поднёс к глазам.

Сильно удивиться Денис не успел. Раздались быстрые шаги, и в лицо ударил яркий свет. Денис прикрылся рукой, одновременно пытаясь встать.

– Надо же, знакомые все лица, – вкрадчиво сказал знакомый голос. – Бык, хорош, в него светить. Включи лампу.

Комната на секунду ушла во тьму и тут же наполнилась мягким, но ярким светом. Такие фонари выдавали ремонтникам. Можно светить лучом, а можно включить лампочки на корпусе, и будет светильник. Перед Денисом стояли трое мужчин. Их взгляды его парализовали. Сердце застучало так, что хотелось прижать его рукой, а то выскочит из груди.

Из троицы выделилась худая лысая фигура и подошла к Денису. Иванов, из той самой бригады, которая ходит и проверяет за всеми. На фоне светящейся лампы он казался чудовищем. Не большим и угрожающим, а противным, тонким и опасным. Двое из его «команды» тоже подошли. Низкий, с вечно выпученными глазами и жирными губами, Шелютов, сразу же зашёл Денису за спину. Он почувствовал, как предательски задрожали руки. Второй, Быков, хмуро смотрел на Дениса из-под кустистых бровей. Этого взгляда хватало для испуга.

– Слышь, Иваныч, – с наглостью в голосе сказал Шелютов. – Вот кто наш схрон обнёс.

– Закройся! – цыкнул Иванов, внимательно смотря на Дениса. Он, видимо, не хотел сообщать Денису слово «схрон». – Как тебя там зовут...? Баркин? Это твой двор?

– Бардин, – ответил Денис. – За мной закреплён.

– Слушай, дворник, а чего ты сюда забрёл? Проблемы в подвале? Хотя, тут замок просто так висел. Из-за этого полез?

– Я его заменил, – Денис очень старался унять дрожащий голос. – А, вообще, пошёл проверить вонь, жилыцы жаловались. Ну и нашёл комнату.

Иванов сверкнул взглядом на Шелютова. Затем секунд десять помолчал. Подошёл к Денису довольно близко, чуть ли не воткнулся носом. Дениса обдало вонью изо рта мужика.

– Слушай, э-э-э, как тебя зовут? Денис вроде? Так вот, Денис, тут ситуация получается. У нас тут сумочка лежала. Такая, знаешь, звякающая. С нашими вещичками. Мы вот вчера приходим – а её нет. А сегодня ты есть.

Он замолчал, давая Денису время подумать. Или время осознать опасность.

– Да я только пришёл. Ничего не трогал. Я только сегодня этот закоулок, вообще, нашёл.

– Ага, езд-езди по ушам, щенок, – Шелютов жутко ухмыльнулся и вытер рукавом губы, будто собирался Дениса съесть. – Я ж говорю, Иваныч, кто-то стёр. Ты зря наехал на Шишу и приказал...

Шелютов не договорил, сообразив, что снова болтает лишнее. Иванов глубоко вздохнул, покосился на болтуна и аккуратно, двумя пальцами, взял за край куртки Дениса. Будто ткань в магазине выбирает.

– Нехорошо получается, Денис. У нас тут товарищ... пожертвовал собой ради этой сумки. А тут оказывается, ещё и левый человек шастает по нашим местам. Согласись, некрасиво.

Иванов сверлил Дениса взглядом и еле заметно улыбался.

– Так это... это ваши места? – Денис сам понимал, что несёт ерунду, но он совершенно растерялся. Адреналин бил в виски, заставляя тело чуть ли не вибрировать. «Пожертвовал собой» не выходило из головы.

– Наши, – кивнул Иванов. – Ты же не будешь никому про них рассказывать?

Денис молчал.

– Ну и молодец, – по-своему понял это молчание Иванов и отпустил Денисову куртку. – Мы же не звери, Денис. Мы люди, и хотим жить по-людски. А разве красть у своих – это по-людски?

Денису тут же захотелось спросить – а как же бутылки? Где они их взяли? Но Иванов его опередил. Он мотнул головой в сторону пола.

– Мы нашли эти бутылки. Сам знаешь – народ у нас всякий есть. Стало страшновато за них. Сразу отнести в переработку не успели, вот и решили положить пока здесь, в укромном уголке.

От всех этих откровений становилось всё напряжённее. Чего это Иванов так перед ним распинается? Хотят сильно избить? Убить?

– Ну, так вот, Денис, тару надо вернуть, – совершенно спокойно сообщил Иванов. Он так по-доброму смотрел на Дениса, что становилось жутко. Сбоку противно щерился Шелютов, а Быков так и продолжал хмуриться, сжимая-разжимая кулаки.

– Так... я не брал, – неуверенно сказал Денис. – У меня же ничего нет.

– Денис, – скорчил физиономию, будто съел кислую ягоду, Иванов. – Ну, мы же, вроде, договорились – по-людски. Ну что мне тебя, пугать что ли? Ты же из другого города?

– Да, интернатовский крысёныш, по распределению, – вставил Шелютов. – Овцой невинной прикидывался.

– Ну, так вот, хоть ты и одиночка, но мы за своё готовы постоять, Денис. Ты на опасной работе находишься. Всякое бывает. Ты знаешь, как людям ломают ноги контейнеры, как напарываются на вилы. По неосторожности. Бывает, случайно руки суют в машину для пережигания листьев.

Денис не знал, но тут же, всё это себе представил.

– В общем, давай ты нам вернёшь *наши* двадцать бутылок и всё. Вопрос будет закрыт.

– Да где же я...

– Есть места. Я даже тебе подскажу, где лучше попробовать взять.

– Так, а в кредитах...

– Бутылки, Денис, бутылки.

– Я же не смогу...

– Найдёшь! – снова встрял Шелютов. – А не то мы тебя найдём. Слышь, Иваныч, чё он тут...

– Короче, – отрезал Иванов, – иди, Денис, домой. Подумай. Как нас найти – знаешь. Жду после праздника. Я тебя провожу и расскажу. Бык, пропусти человека. А то он стесняется тебя попросить.

Быков отошёл, продолжая угрожать Денису взглядом. Ноги не гнулись, и он даже боялся, что выгладит комично. Нашёл чего бояться. Когда Денис вышел, Иванов подошёл вплотную к Шелютову. У того с лица исчезла улыбка.

– Что ж ты, козлина, двери не закрываешь?

– Да я ж думал, что вот вернёмся...

– А что за вонь наверху? Почему этот мелкий припёрся?

– Да я Шишины вещи забрал. Ну, хотел спалить, как ты сказал. Они ж провонялись, пока он лежал. На хрена нам, вообще, этот щенок? Популярно бы ему объяснили про молчание и всё.

– Надо, – жёстко ответил Иванов. – Тут снова всякие шорохи насчёт потаскивания из шахт через наш департамент. Этот мальчонка, куда пойдёт за стеклом? Конечно, на добычу, не машину же грабить. Его там по любому спалят. Если что – поможем, эсбэшники его возьмут, повесят на него всё, что есть и будут довольны.

– А-а-а, – уважительно покивал Шелютов. – Теперь понятно.

– Понятно, – Иванов брезгливо передразнил «приятеля». – Ладно. За пацаном приглядываем, вдруг рыпнется куда. Хотя не должен.

– Может, стоило ему втащить разок, для памяти?

– Может, – задумчиво сказал Иванов. – Но мне кажется, на таких слово действует сильнее. К боли можно привыкнуть. К страху сложнее.

Услышь это, Денис, безусловно, согласился бы. Его трясло. Не верилось, что всё это происходит с ним. Где Денис Бардин, спокойный работающий человек, а где банда Иванова, разборки и всё вот это. Как он мог в это вляпаться? Да и он же, вообще, ничего не сделал. Как же быть? Пожаловаться? А что, если они в сговоре с кем-то в СБ ЖЭУ? Да если и нет – пока там ход делу дадут, его реально переработают на удобрение. Нет – его не убьют сразу, а будут делать очень больно. Покалечат.

Он не заметил, как дошёл обратно до конторы. Он закрыл подвал? Или Иванов с компанией сами закроют? У них же точно есть ключ. Двадцать бутылок. Бутылки ведь даже не займёшь. Нечего сдать в ломбард. Хотя там всё равно ведь дают кредиты, а не бутылки. Они же не хотят кредиты в стоимость бутылок. Им нужно чтобы... чтобы он их украл. «Это, вообще, самый реальный вариант их добыть», – подсказала подлая совесть. Денис подумал – где и как это можно сделать и тут же себя одёрнул. Нет, кража – это преступление, а он не преступник. А кто он? Жертва... Попавшая под атаку матёрых хищников. И некому помочь. Идти в леса, искать, копать. Но там можно лишиться здоровья. Да и кто отпустит с работы, кто будет вечно его ждать.

Денису стало и физически нехорошо. Он с трудом закончил смену, работая механически, не видя и не слыша ничего вокруг.

Вернулся в общежитие, сел на кровать и просидел наедине с мыслями, пока не стемнело. Даже не вспомнил про мокнущий в тазу рюкзак.

5

Цветные флажки развевались на ветру, призывая граждан тоже быть радостными. Главный городской праздник, древнейшее изобретение, работающее также надёжно, как, например, колесо. Как раз это самое «колесо» в День ЖЭУ совершает оборот и начинается отчёт нового года. Каждый сотрудник ЖЭУ (каждый *работоспособный* житель) прекрасно помнил все свои жизненные проблемы, все внутренние жалобы на начальство, на условия работы, но в День ЖЭУ всё это исчезало. Сотрудник ЖЭУ чувствовал, как гирлянды флажков, большие флаги на подставках, транспаранты, вообще, вся энергия этого дня обращается именно к нему. Сегодня он, этот самый сотрудник, самая важная часть города. Он идёт и купается в лучах этой мимолётной славы. Его ласкает гордость, за то, что он держит этот мир на плечах, на своём труде. Во второй половине дня люди сливались в ручейки, идущие в центр города. Там и тележки с горячими сосисками, которых никогда так не хочется, как на долгой прогулке. Для детей – столики с цветастыми леденцами, дешёвыми игрушками с мигающими лампочками.

Возле Администрации построили сцену, покрасили. Вокруг неё – вертикальные полотна с логотипом ЖЭУ. Рабочие устанавливали звуковое оборудование, протягивали кабели. Приятная городская суэта. Даже солнце вышло на это посмотреть.

Олегу вся эта атмосфера казалась давящей, напряжённой. Хуже, чем обычно. Вроде и хочется отдохнуть, выпить эту энергетику праздника, но внутри, на душе, было паршиво. Он бы, наверное, и не пошёл на площадь, но отец заставил.

Утром Олег предложил ему провести день вместе. Погулять, пока солнце вышло. Может, даже съездить к лыжной базе. Купить пива, колбасок с вкраплениями мяса, посидеть вдвоём. Отец тепло улыбнулся и взял Олега за руку. Сказал, что пива могут попить и дома, на балконе. Он понимал, что поездка только на словах такая семейная и приятная. Но на деле, Олегу придётся помочь ему одеться. Потом выволочь, считай, на себе из подъезда. Посадить в троллейбус, где будут коситься недовольные задержкой пассажиры. Отец ещё раскашляется, и начнут морщиться, а он засмущается. Ну, а потом ещё дойти, разместиться. Не успеешь поехать – обратно. Жалко ему было сына, который потратит на это редкий свободный день. И Олег понимал эту жалость, злился на отца и любил одновременно. Договорились первую половину праздника провести вдвоём, а потом Олег обязательно сходит на площадь. Встретит друзей (отец думает – они есть), съест сосиску, может, познакомится с девчонкой. Где, как не там.

Олег на неделе снова ходил в больницу. Там всё так же: анализы проверили, лекарства выписали, что вам ещё надо? Вылечить нельзя, увы. Ну а, может, в другой город переправить? Там другой врач, может, подскажет решение: операция, или медикаменты. Нет, вся система единая. Нет в другом городе каких-то иных технологий. Даже в Серове, там, где медицинский институт. Да и не положено перевозить. Олег бы, может, и сдался, но как-то на почте тётки разговаривали о болезнях. Одна из них была «приезжей» – передавала привезённую из Серова корреспонденцию. И вот, она рассказывала, что есть в том городе некий доктор. Неофициальный. Преподаватель или кто-то из мединститута. И вот он, якобы, может помочь в тех случаях, где местная медицина сдалась. Волшебник, что ли, какой, усмехались тётки. Или травки-листки собирает, сушит, потом заставляет есть? Они-то ехидничали, но Олег видел интерес на их лицах. Он и сам напрягся. Не знаю его методов, говорила пришлая тётка, но знаю человека, которому он реально помог. Чуда не сотворил, но жизнь облегчил.

После этого разговора Олег и загорелся мыслью перевезти отца в Серов. Там уже найти этого доктора и попытаться счастья. Ещё был вариант поехать самому и уболтать доктора приехать в Синьевской, но это вряд ли. Не согласится, ведь просто так не поедешь. Нужна причина, направление, регистрация по приезду. Вывезти отца было два варианта. Первый – оформить

перевод в другой город. Может, даже вместе с собой. Подать заявку, придумать причину, толкнуть заявку. Но это всё – очень много кредитов. Очень. На почте столько не выдают даже за год, и то, если не питаться. Можно договориться с почтовиками и поехать «грузом». Но тут и отцу валяться в кузове будет нелегко. Обнаружить тоже могут. Страшного наказания не будет, но проблем не оберешься. Могут в исправительный лагерь даже кинуть на месяцок. А это вдали от отца.

От всех этих мыслей Олегу страшно хотелось есть. Нет, жрать. Будто не кормили неделю.

– С двумя, – сказал он продавщице за тележкой и показал два пальца.

– Горчица, кетчуп...

– Всё.

Пока готовили еду, Олег, прищурившись, смотрел на сцену. Скоро туда выйдут власть имущие. Им можно ездить куда надо. У них Дела. Ну, а в чём проблема – самому себе выписать любую бумагу. И все вокруг так радуются, какое счастье. Олегу было стыдно за такие мысли. В чём виноваты вон те трое мелких пацанов, скользящих среди толпы, бегущих куда-то со своей мальчишеской целью. Да ему самому-то восемнадцать, а иногда кажется, что все сорок. Познал жизнь. Олег злился на себя за злость к остальным. Чего он тут распространяет недовольство на общем празднике. Но унять это в себе было трудно. Забрав свою еду, он буркнул «спасибо» и побрёл по площади. Есть на ходу неудобно. Вон, возле памятника есть местечко. Туда Олег и уселся. Увидел возле большой ёлки типа в рабочей куртке Уборщика ЖЭУ. Она у них и рабочая, и праздничная. Тоже взял булку с сосиской, откусил. Олег не поверил глазам – выплюнул, прямо под ёлку. Что-то попало или впервые в жизни пробует? Вот урод, выбросил остальное! Ничего себе, какой крутой. Покачав головой, Олег с удовольствием впился зубами в свою еду.

Денис до обеда занимался домашними делами. Вывесил рюкзак. Подмёл в комнате. Сходил в магазин дяде Толе за продуктами. Это помогло отвлечься от мысли про долг. Долг, который не занимал.

Постучался в дверь, хотя уже тысячу раз заходил к дяде Толе. И вообще, тот двери не запирает.

Дядя Толя сидел на кровати в мешковатых штанах и растянутой майке. Хотя называл его Денис «дядей», это был дед Толя, которому, если он правильно помнил, стукнуло восемьдесят. Голос тоже состарился, но парадоксально стал выше и напоминал тоном детский. Некоторые люди навсегда остаются «дядями» для окружающих. Старик крутил ручку радио, делая немного громче.

– А, привет, Денис, – обернулся с кряхтением дядя Толя.

– Здравствуйте, дядь Толь. Вот ваш заказ, – Денис поставил сумку на стол. Взгляд выхватил стоявшее в углу ведро с крышкой.

– Спасибо. Тебе хватило кредитов?

– Да, – Денис вынул из кармана несколько монет и отдал. – У Вас всё нормально? Ничего не надо?

– Поговорить, – дядя Толя вновь вернулся к радио и выключил звук. – Если не спешишь, присядь на минутку.

Денис не спешил и, не ожидая ничего необычного, присел на табурет напротив дяди Толи.

– Чтоб долго тебя тут не мариновать, говорю сразу. Мне осталось уже немного. И не возражай. Я всё это чувствую. Я знаю, что вы – молодежь, не верите в такие стариковские штуки и считаете, что мы просто уже устали и жалуемся на жизнь, но поверь, если я в чём-то и был уверен в последнее время, то именно в этом.

Денис действительно собирался открыть рот и возразить. Безусловно, он понимал – возраст дяди Толи, как говорится, «на грани», в любой момент может уйти, но соглашаться с таким считается невежливым, или даже неправильным. Денис проглотил слова, которые собирался сказать изначально, и спросил:

– Так вас же... увезут в дом престарелых? Или в больницу?

Дядя Толя криво усмехнулся:

– Я и так уже в доме престарелых. Здесь разрешают жить при условии, что у тебя есть на что. Наша общага отчасти и так заполнена людьми на финише. Из неё они уже тоже вряд ли куда-то переедут. А дома престарелых, о которых ты говоришь... я даже не знаю есть ли они на самом деле. И туда могут отправить только по медицинским показателям. Если ты уже умираешь, а кредитов нет. А я вроде как ходить, есть-пить могу сам. Да и не стремлюсь я туда. Был бы там такой парень как ты.

Денис улыбнулся в ответ.

– У меня кроме этой комнаты ничего нет, да и то не моя. Вот эти штаны и майка – всё мое наследие. Ну, ещё, кучка кредитов, которую растягиваю уже, как могу. Но... – лицо дяди Толи вдруг обрело хитроватое выражение, которого Денис ещё никогда не видел. Старик наклонился и достал из-под матраса ключ на куске обычной верёвки. – Вот, кое-что припас.

Он протянул ключ Денису.

– От чего он? – ключ был крупный, массивный, не такой, как плоские от обычных комнатных дверей.

– Он, Денис, от спокойствия. Точнее – для.

Денис вопросительно поднял бровь.

– Было время в моей жизни, когда мне понадобилось уединенное место. Такое, чтоб никто не доставал. Чтоб никто не нашёл. Знаешь, бывает, что самые скрытые места у всех, на самом деле, на виду. Все о них знают. Ты же ходил мимо трамвайного парка? Или играл в детстве? А, ты же приезжий.

– Я там был, – кивнул Денис. – Точнее, шёл мимо. Там всё заброшено. Жизни нет.

– Это замечательно, – старчески закивал дядя Толя, – это как раз и есть маскировка. Простая и эффективная. Надо прийти к боксам, таким, с огромными воротами. У одного из них, в воротах, есть маленькая дверь. Она есть только на одних. Вот туда этот ключик и подойдёт.

Денис сидел, молча переваривая услышанное. Он понимал, что у дяди Толи в жизни могло быть всякое, но личное убежище, в известном городе месте – это возвышало дядю Толю в его глазах, делало его настоящим характер куда более интересным, чем казалось ранее.

– Внутри там всё готово, – дядя Толя улыбался, но смотрел Денису прямо в глаза. – В смысле, есть, где поспать, где поесть. Там есть водопровод, возможно до сих пор работает. В общем – закрыл дверь и живи, сколько надо.

– Ну, спасибо, дядь Толь, но мне такое... как бы, и не знаю зачем.

– Этого никто не знает. Жизнь штука такая. Сегодня не нужно, а завтра – наоборот. Ты сам знаешь, мир у нас строгий. Вдруг какие-то опасности... – дядя Толя сделал паузу, давая Денису самому придумать опасности. – Вдруг захочется побыть... вне контактов с остальными людьми, с начальством, со Службой Безопасности.

Денис даже подумал, что дядя Толя в курсе его ситуации с Ивановым. Хотя такого, конечно же, быть не могло. Но так вовремя, как сейчас, этот разговор произойти не мог. Хотя разве Денис собирался прятаться? Он сам ещё не знал.

– У меня никого нет, Денис, ты сам это знаешь. Из развлечений остался только вынос вот того ведра с крышкой. Радио и то еле работает. Не знаю почему, но не хочется уходить в одиночестве. Даже не то, чтобы в одиночестве, а никого и ничего после себя не оставив. К тебе я привык, и если после ухода окажусь в каком-то ещё мире – буду скучать.

У Дениса ком подкатил к горлу. Внезапно дядя Толя стал сгорбившимся, жалким стариком. Одиноким, как воробей под дождём, которому некуда деться.

– Так может... в Администрацию обратиться, или... – Денис в очередной раз не знал выхода из ситуации.

Дядя Толя обреченно отмахнулся от Денисова предложения.

– Так буду чувствовать, что я кому-то хоть как-то помог. Всякое в жизни бывало, может, я так пытаюсь искупить своих проступки – не знаю, может быть. Прибери ключик, Денис. Может, он и не понадобится. Вам обещают, ещё более, светлую жизнь, чем обещали нам. Мне постоянно хочется в это верить, хоть я также постоянно это опровергаю. Надежда, вечная надежда. Для тебя искренне хочу лучших времён.

Они помолчали. Дядя Толя настоял, чтоб Денис шёл куда-нибудь, где не так воняет стариком, и есть, хоть какие-то звуки, кроме его кряхтения. На то же празднование Дня ЖЭУ.

Выйдя, Денис испытал странное чувство. Вот исчезнет из его жизни дядя Толя. Исчезнут его просьбы куда-то сходить, чем-то помочь, поговорить. Казалось бы – появится свободное время, спадёт с плеч некий моральный груз, но нет – представив, что дяди Толи уже нет (и с этого момента Денис, неожиданно, перестал сомневаться в скором уходе старика из жизни), он ощутил пустоту. Мир стал скучнее. Денис перестал быть нужным как минимум одному человеку.

Денис не особо и хотел идти на праздник, но в четырёх стенах было невыносимо. Мысли набрасывались хищниками и пожирали сознание.

Он принял душ и переоделся в свежую одежду. Праздник всё-таки. Хоть и придётся стирать, лишних комплектов белья больше нет.

На улице стоял весёлый гомон от проходивших людей. Какие же приятные лучи солнца! Денис не спеша двинулся в сторону центра. Уловил запах шаурмы. Тоже, говорят, слово не из его мира, но смогло пережить все катастрофы.

Да, он попал на кругленькую сумму. Он теперь должен выкупить собственную безопасность и, по логике, не время думать о бесполезных тратах, ещё и на «вкусняшки». Но с другой стороны, один несчастный сэкономленный кредит, по сравнению с общей суммой долга, был пылинкой. Его трата никак не скажется на ситуации. Он не сможет собрать кучку этих «пылинок» и отдать долг. Не хватит.

Денис приказал себе не думать об этом и уверенно подошёл к вагончику с шаурмой. Он пойдёт на площадь и вольётся в праздничную атмосферу, ведь сегодня «День работника ЖЭУ» – его праздник. Никто не смеет его отнимать. Жаль только, что премия такая мизерная, только на закуски и хватит. Вот ботинки бы новые взять – это да, это подарок.

Денис подошёл к площади уже запруженной народом. Его внимание приковал к себе длинный плакат с надписью: "День работника ЖЭУ – СДЕЛАЕМ СВОЮ ЖИЗНЬ И МИР ВОКРУГ ЧИЩЕ И ЛУЧШЕ!"

Движение по площади Ленина троллейбусов и других спецмашин в этот день было перекрыто. Сотрудники Службы Безопасности ЖЭУ лениво расселись на больших оранжевых блоках или даже капотах своих машин.

Денис встал около закрытой мастерской по изготовлению ключей. Он съел половину шаурмы, запил лимонадом. Протер губы жёсткими салфетками с названием закусочной – "Шаурма №1" (как будто в городе была №2).

Из рупоров, установленных почти на самом верху столбов линий электропитания, на всю площадь и за её пределы вещал женский голос:

– Друзья, не забываем, что конкурсная программа начнётся ровно в семнадцать тридцать. Наравне с работниками жилищно-эксплуатационного управления, вы сможете хотя бы на время примерить на себя стороннюю профессию. Посмотрите и попробуйте себя плотником,

сапожником, пожарным. Специальные площадки развернуты возле парка. Подходите, сотрудники предприятий вам всё покажут, расскажут и дадут попробовать!

Площадь была полна людей, но Денис не видел жизни в некоторых лицах. Он встречал искренние улыбки у идущих навстречу детей, но натянутые улыбки их родителей создавали диссонанс. Казалось, что некоторым взрослым приходилось делать довольный вид только для того, чтобы у детей не возникало лишних вопросов. Например – а почему папа не радуется? Ведь сегодня такой погожий день и можно погулять по городу! Это же всё из-за праздника, разве нет? И салют вечером! Солнце прогрело улицы Синьевского нечасто. Все привыкли к пасмурным, серым и ветреным будням. Одинаково выглядящие улицы на протяжении всей жизни. Постоянные облака и опасность дождя. Одинаковая одежда, обувь, дождевик в кармане.

Чтобы почувствовать себя хоть на миг по-настоящему счастливыми, горожанам могло хватить и дня тёплых лучей. Их сознанию, образу жизни, было необходимо проветривание, подобно старому заброшенному дому, в котором заколочены окна и двери, и уже, очень давно, не появлялся свежий, бодрящий воздух.

На словах из рупора про почту, взгляд Дениса выхватил того самого почтальона, с которым он пересёкся накануне. Сейчас при нём не было увесистой сумки, и пачек писем в руке он не держал. Безмянный почтальон сидел за левым плечом памятника Ленину, на одной из четырёх скамеек. За памятником полукругом были высажены высокие снежно-голубые ели. В зеленый сезон клумбы между елями и скамьями притягивали к себе внимание разноцветным разнообразием цветов. Розы, лилии, георгины радовали взор прохожих, а их детей – заставляли не одну минуту кружиться вокруг них, подобно пчёлкам. Сейчас на клумбах все та же серость.

Почтальон откусил кусок своей булки и стал медленно жевать. Его взгляд встретился с Денисовым. Нахмурился. С чего вдруг? Денис, вообще, хотел присесть и доест шаурму, но если этому типу он мешает, то лучше поискать другую лавку. Под эти мысли Денис продолжал идти вперёд.

Олег сидел, погруженный в свои думы: уйти в леса и поискать добычу? Или искать альтернативные способы заработка? Какие? Он нахмурился от своих дум и только сейчас заметил, как на него уставился какой-то чувак. Обычный, может чуть повыше его. Лицо такое... – овальное. Не резкое. Тихоня, по всему видно. Причёска короткая, такая аккуратная. А, это же тот дворник, что письмо передавал. Идёт, весь на своей волне. Ещё тоже жрёт что-то. Олег сдвинулся на край лавки. Хочет – пусть садится.

– Я присяду? – спросил, подойдя Денис.

– Да не вопрос, я не директор лавочки.

– Я помню, ты почтальон.

– А ты – дворник.

– Денис.

– Олег.

Они пожали руки. С минуту оба молчали, смотря перед собой. Денис доел и отправил кулёк из пищевой бумаги и пустую пластиковую бутылку в урну. Олег на него покосился.

– Ты чего какой-то невесёлый? Твой же праздник.

– Да и твой тоже. Почта ведь входит в ЖЭУ.

– Как бы да, но мы всё равно особняком. А вот вы, особенно те, кто в шахтах – главные герои. Я тоже, кстати, когда загруженный, жрать хочу дико.

– Ага, герои... – Денис невесело усмехнулся. – Я, кстати, не в шахтах, только уборка города. А ты сам тоже вроде не светишься от радости.

– Да у меня дома напряги, не до веселья.

– А чего ж тогда пришёл?

– А что, нельзя? – Олег сказал это без злобы, спокойно. – Сам не знаю. Знаешь, проветриться как-то, чтоб крышу не сорвало.

– Понимаю, – искренне кивнул Денис. Олег подметил эту интонацию и посмотрел на собеседника уже заинтересованно. Денис хотел ещё что-то сказать, но передумал и застыл. Он увидел на противоположной стороне площади знакомую троицу, перед которой теперь нёс ответственность за то, чего не совершал. Они шли с железными флягами в руках. Иванов чуть впереди, как явный лидер. Подлый Шелютов что-то старательно рассказывал, а двое его друзей (хотя Иванов и по должности, и по жизни начальник Шелютова) давали обратную связь громким смехом. В сторону Дениса они не поворачивались, но он где-то слышал, что, если долго смотреть на человека издали или со стороны, то он это обязательно почувствует и будет искать наблюдающего.

Олег проследил взгляд Дениса.

– Интересные ребята, – заметил он, прищурившись. – У тебя с ними тёрки?

Денис не смог скрыть удивления:

– Ну, не то, чтобы... А ты их знаешь?

– Да зачем их знать? На рожах написано. Это Инспекторы? Да чего ты, прям такая тайна, что из шахт потаскивают тару. Кто-то ж это прикрывает. Я слышал про таких. Так это они?

– Ну, что-то вроде того... – Денис сам не знал, как аттестовать своих «знакомых».

– Ты чё, их спалил? – Олег с явным интересом смотрел на Дениса, и тому этот разговор не нравился.

– Да никого я не палил. Просто они... мутные типы. Вроде главных из себя строят и всё такое.

– А, прессуют, – понимающе кивнул Олег. – Как молодого, типа. А ты давно в своём департаменте ЖЭУ?

– Три года.

– О, тебе значит восемнадцать, как мне. И чё, жестко прессуют?

Денис промолчал.

– Ладно, я в душу не лезу, ты не напрягайся. Просто спросил. Ясен пень, всё, что крутится вокруг больших кредитов – опасно, – задумчиво проговорил Олег и поднял взгляд на сцену. – О, гляди. А вот и наши «главные». Подойдём?

Денис согласился. На сцену вышло четыре человека Службы Безопасности. Из здания администрации вышли ещё два человека. Один был седой и в очках. Второй – среднего возраста, в приталенном, отлично сидящем костюме. «Костюм» уже на самом выходе развернулся и что-то отдал охраннику внутри здания. Все взгляды были прикованы к этим – двоим. Но Денис продолжал наблюдать за охранником. Тот подошёл к припаркованной рядом машине, открыл дверь. Денис уловил короткую яркую вспышку.

– Заметил? – негромко, но прям на ухо спросил Олег.

– Да. Это что...

– Бутылка, что ж ещё. Сейчас нам будут рассказывать, какие они ценные, а сами раздают, будто сумку попросил подержать.

– Демонстрировать богатство перед бедным, всё равно, что есть перед голодающим, – спокойно проговорил Денис и заметил изумлённый взгляд Олега.

– Ну, ты, сочинитель! Ты чего, писал книжки?

– Нет, просто мысль. Как у каждого. Я их запоминаю.

– Да ладно, у каждого при виде такого мысли есть, но такие, что в книжке точно не напечатает.

Важные люди поднялись на сцену. Их представили: начальник главного управления ЖЭУ в Синьевском, и представитель межгородского совета ЖЭУ из Серова. Молодой помахал толпе рукой, искренне улыбаясь. Седой подошёл к микрофону, постучал пальцем. Разнёсся низкий звук, словно постучали всем по головам.

– Добрый вечер, уважаемые жители города Синьевской! – торжественно произнёс начальник управления, и толпа одобрительно зашумела в ответ. Начальник широко улыбнулся:

– Я знаю, что каждый год, те или иные слова в поздравлениях повторяются. Но это лишь потому, что мы хотим снова и снова выразить вам благодарность. Вам – спасителям и строителям нового мира. Вы все, в той или иной мере, наслышаны о предках. Они-то верили своим выдуманным богам, то сами решили ими стать. А какие технологии, а какие достижения! И для чего? Что в итоге? Разрушенный мир. Все крупные и развитые поселения уничтожены. Выжили небольшие, вроде нашего. Заражённая местность, из-за которой мы вынуждены жить обособленными городами. В лесах не осталось крупных зверей. Токсичные дожди, угнетающие нас с вами. Но мы не сдались. Выжили и восстановили цивилизацию. Вырвали себе кусочки. Очистили, как смогли. Как прощальный подарок, наши предки оставили залежи того, что считали ненужным, использованным. Это тоже прекрасно показывает их отношение к своей среде обитания. В вашем прекрасном городе очень много стекла, в основном бывшая стеклянная тара. Раньше это был просто контейнер для жидкости. Сейчас – ценный источник материала. Доступ к минералам, опять же, «благодаря» прошлым хозяевам планеты, очень ограничен. Но мы используем то, что есть, используем разумно. В Серове идёт извлечение ценных металлов из техники прошлого. Беспольной техники, каких-то «игрушек», которые ни на что неспособны. Мы же пускаем всё в дело. Оглянитесь на творение рук ваших! Да-да, ваших. Мы одеты, обуты, фабрики производят пищу. Мы восстанавливаем знания, не расходуя их на безумства, как предыдущие люди. Мы были разорваны, если говорить о городах, но всё равно наладили отpravку материалов, товаров. Если взглянуть на несколько поколений назад, когда все жили в закрытых помещениях, запускали станции очистки воздуха, направляли экспедиции вокруг – сейчас просто другой мир! Да, местность за границей Территории пока опасна, но всё проходит. Общий уровень экологии восстанавливается, и новое приятное будущее обязательно наступит. Стройте его, как делали до вас другие. Каждая найденная бутылка имеет значение. Каждый сделанный кусок мяса, для того, кто эту бутылку найдёт. Да, жизнь может показаться трудной. Некоторые идут за Территорию, добывая стекло, чтобы потом сдать. Мы этого не запрещаем. Наоборот – принимаем и платим. Но призываем работать официально. Чтобы население росло, а не гинуло в погоне за кредитами. Мы, ЖЭУ, постараемся максимально поддерживать вас. Ведь вы – это мы, это ЖЭУ. Медобслуживание, содержание города, товары – всё, лишь бы немного скрасить вашу трудовую жизнь.

Сегодня – ваш день. Сегодня – наш день. Завтра будет день наших детей. И этот завтрашний день строите и оберегаете именно вы! С праздником!

Толпа зааплодировала, и начальство удалилось со сцены. Туда бодро вскочили молодые парень и девушка, с призывом к людям веселиться, ведь сейчас они будут петь лично для них, лично для каждого труженика ЖЭУ. Замигали цветные лампы над сценой, хоть на улице были еще сумерки.

– Во, орут, – сказал Олег. – При рождении, наверное, им горло растянули.

– Ты куда сейчас? Домой? – спросил Денис.

– Ещё не сейчас. Ближе к салюту. С батей, думал, вместе его посмотреть.

Денис хотел спросить, а почему отец Олега дома и наблюдать цветное небо надо оттуда, но не стал. Постеснялся.

– У меня отец сильно болен. Совсем плохой, – вдруг сказал Олег, не глядя на Дениса, словно кому-то невидимому. Он сам не знал – зачем. Почему этому дворнику? Вот сказал и всё. Вырвалось.

Денис тоже долго формулировал, что сказать. Молчать было неудобно.

– Это что-то серьезное? – он тут же обругал себя за вопрос. Было бы несерьёзное, Олег бы не дёргался.

– Как бы да... – проговорил Олег и рассказал всю ситуацию Денису.

Денис выслушал. Он был благодарен Олегу за откровенность. Денис в этот момент почувствовал себя увереннее. С ним поделились бедой. Как будто, почувствовали в нём помощь, облегчение.

Олег вытащил из кармана металлический кругляш. Десять кредитов, сразу же узнал Денис. Ему даже не надо было считать залитые в металл кусочки стекла. Он, наверное, по блику мог считывать номинал. Да как, и все вокруг. Там ещё есть цветное вкрапление, чтобы легче различать кредиты, но опытному глазу хватало блеска драгоценного стекла. Олег вертел кредиты между пальцами.

– Вот бегаю теперь, ищу, где бы вот таких штук... – Олег так и не договорил глагол. Сам ещё не выбрал. – Слушай, Денис, а к вашим Сборщикам никак там нельзя примкнуть? Или, если я смогу в уборщики перейти. Не, я не говорю, что ты там тыришь вместе с ними. Может, слышал чего.

Денис тоже всё откровенно ему рассказал, и стало ещё легче. Не забыл про найденную одежду и разговоры о «пожертвовании собой». Олег задумчиво кивал, слушая его рассказ.

– Значит, ты встрял на серьёзные кредиты от этих упырей. Ясно-ясно. И там так просто ничего не сделаешь, а то сам окажешься в шахте под землёй, как бутылка, только никому не нужная. Мы с тобой в одной лодке, получается. Нам обоим не помешала бы стеклянная тара, которую негде взять. И без неё будет плохо и тебе, и мне. По-разному, но один хрен. Блин, точно придётся идти за Территорию.

– Да я вот тоже думал об этом... – Денис сделал паузу и посмотрел на Олега. Ему почему-то стало совсем легко на душе, будто все проблемы исчезли. – А то брать у Сборщиков – способ добычи не выглядит хорошо.

Олег посмотрел на него, прищурившись:

– Они тебе предлагали вариант, как и где, стырить бутылки?

– Ага, но стрёмно...

– А ты, говоришь, нашёл место, где они их прячут? Так-так-так...

Они обсуждали всё до самой темноты. Пришлось сожрать (процесс поглощения нельзя было назвать «кушать») ещё по шаурме и раскошелиться на два захода по пиву. Денис упрямылся, мол, я лимонад – пиво мне на вкус не нравится. В итоге сдался. Очень уж хотелось товарищеской атмосферы, некоего ритуала единения. Ради такого можно выпить и пива.

Олег попрощался и побежал к отцу. Денис смотрел на небо одухотворённый. В этом была и заслуга пива, но минимальная. Он смотрел, как под крики толпы в небе расцветают вспышки. Сам вздыхал «Ухх», когда открывался любимец публики – «зонт». Бух-бух-бух, радостно гремели пушки. Денису казалось, они подхватывают его настроение.

Вот, теперь день походил на праздник.

6

Олег начинал рабочий день с утренней доставки по городским организациям, но так как по субботам они не работали, отправил простые и заказные письма с газетами в отдельную коробку, к ней он вернётся в понедельник и со спокойной душой со всеми рассчитается. Всё равно нужно было убить время до вечера. Идти в подвал днём, и так, чревато лишними взглядами, а в выходной день – так, тем более.

Олег сложил в сумку все письма и подписные издания. Перед Днём ЖЭУ он заготовил всё заранее. Ему было удобнее прийти на работу и сразу отправиться по адресам. Не любил сидеть в конторе, не умел медленно разгоняться.

Он убедился, что натянул на запястье правой руки, поверх часов (достались в наследство и ещё работали), несколько цветных канцелярских резинок (на случай, если по пути посеет, или лопнут те, которыми он скрепил "сумки" с письмами) и теперь ждал своей очереди, сидя за габаритным голубым столом. Ему, как и его коллеге – Елене, необходимо было отметить перед начальницей, чтобы, наконец, начать смену и покинуть скромную комнатку, в которой едва-едва умещались два «почтовых» (именно так их называли сотрудники) стола и один, служивший обеденным, с чайником и маленькой плитой. На стене, над ним, установлена полка с шестью отсеками, где каждый из работников мог держать свои вещи: кружки, ложки, кухонные полотенца и продукты.

Его стол стоял при входе в комнатку и каждый раз, когда начальница отделения, кассир или оператор проходили мимо, ему приходилось придвигаться, чтобы дать им пройти. Это постоянное ёрзанье очень отвлекало и отнимало время при сборе новой почты. Олег взглянул в окно слева от себя и наблюдал непривычно чистое небо и яркий солнечный свет. Он не видел ясной погоды с тех самых пор, как с его отцом произошло *несчастье*. Или, ему казалось, что такой погоды уже никогда не было.

«Неужели выглянуло в честь выходных? – подумал Олег. – Хорошо, что сегодня суббота, разгрёбусь с тем, что привезут в обед, и как раз убью время».

Сегодня Олег в очередной раз взвешивал ценность своей работы на почте. Да, это не подземные туннели, не заводы с едкими испарениями, не возня с метлой в грязных подвалах. Но сказать, что это просто просиживание времени – вряд ли. День начинается с «отметки» и это, наверное, самое в нём приятное, не считая окончания смены. Утром его всегда встречает начальница, которая пересчитывает своих подчинённых, словно детей, или даже слуг. Обязательно делает замечание опоздавшему, либо тем, кто пришёл вовремя, но тратит рабочее время на подготовку. Как, например, коллега Олега – Елена, которая на рабочем месте переобувается.

После встречи, начальница Олеся Анатольевна, обязательно вспоминает все «хвосты» почтальонов. При этом она совершенно не учитывает того, что они смогли сделать, несмотря на объёмы, часто не согласующиеся, с выделенным на них временем. Ей не интересно: за сколько ты пробегаешь пять кварталов, везде ли были в порядке почтовые ящики, во всех ли квартирах сразу ответили, мгновенно расписались. И все жители, в её понимании, никогда не имеют вопросов к почтальону, претензий – ну что вы, что вы. А в организациях, вообще, могли футбольить из кабинета в кабинет, или даже послать в другое здание. Нет, это всё неважно.

Начальница становилась своей могучей, пусть и невысокой, фигурой перед почтальонами и начинала свой сеанс. Как страшно не выполнять план, как нужно быть ответственным. Хотя Олег понимал (да и не только он), что неудачи можно спихнуть на почтальонов, но гораздо лучше присвоить себе их достижения. Кто сумел выполнить план? Начальница Олеся Анатольевна.

Конечно, в мыслях Олег не раз уже высказывал все свои недовольства, оставлял на стуле проклятую сумку и шагал в новую жизнь. Но в реальности шагать особо некуда. Страшно, словно уходишь в темноту. Тут тебе было всё понятно и знакомо, а в новом месте? Это уже не говоря о том, что уход надо объяснить. Заболеть, или попроситься на более тяжёлую профессию, вроде шахтёра. Туда возьмут, сильно докапываться не будут. Но опять же – это всё не сразу. Дни, недели. А кредиты нужны.

Олег думал, что, наверное, вся эта его ситуация с работой и была мотиватором связаться с Денисом и его бутылками. Особенно – бутылками. Олегу было немного стыдно, что он обнадеживает парня, преследуя, прежде всего, свой интерес. Он сам хотел верить, что это не так. Просто подвернулся случай – помочь человеку и заодно себе. Да и этот дворник выглядел чуваком, с которым можно работать. Не какой-то упырь со страшной рожей, типа Инспектора, или просто мутный тип. Нормальный парень. Неуверенный, какой-то замкнутый, но нормальный. Это Олег просто ощущал, а себе он привык верить.

Он вышел из своих мыслей. Перед ним и другими стояла Олеся Анатольевна. Она снова завела свою песню про ответственность, даже приплела премии, которые она выбьет, если они будут хорошо и *правильно* работать. «Ага, выбьет, – подумал Олег. – Наверняка и так положено». Кстати, насчёт премий...

Он потянулся к нижней ячейке над столом и взял свёрнутый втрое листок бумаги. Развернул. Это был «квиточек» за сентябрь. Доход в нём был меньше предыдущих месяцев. А план, как помнили ноги Олега, больше.

– Вот, посмотрите, – он протянул бумажку начальнице, – за прошлый месяц заплатили ерунду... вы считаете это по-людски? А мы ведь носились как угорелые, чтобы не подставлять Вас и почту. Праздник на носу, вы сами говорили. Вот это, – он потряс «квиточком», – наш праздник?

– Во-первых, смени тон, когда разговариваешь со мной, во-вторых, премиями руковожу не я напрямую. Есть зарплатные ведомости, где оценивается ваша работа. Я себе не забираю. Если что-то не устраивает, заявление на стол и уходи на все четыре стороны. Я тебя не держу, но вот вопрос: на что ты будешь жить и как скоро вернёшься обратно?

"Если бы не отец, ноги бы моей на почте не было", – хотел закончить фразу Олег, но вовремя остановился. Звучало бы чересчур жалобно и высокопарно. Он не хотел опускаться до такого, не хотел выглядеть жалким, а попытался сохранить лицо. В эту минуту он был готов нырять в кислоту или гору мусора, но лишь бы всё высказать начальнице.

Олег остыл. Начальница поняла это по его лицу и, сделав вид, что всё прошло как надо, вернулась на место.

Олег не понимал, как с почтовым укладом жизни мирится его коллега Елена, как она пропускает мимо ушей властный тон начальницы, которая всё чаще переходит границы допустимого, и продолжает смиренно вариться в этой, вовсе не уютной комнатке. Сейчас он понимал лишь то, что злость накопилась в теле, и она мешает. В диалоге с Олесей Анатольевной он проиграл. Может показаться грубым, что мужчине хочется поставить на место женщину, но в этой комнате не было мужчин и женщин. Только начальник и подчинённые. Начальник всегда сильнее.

Он вновь взглянул на стопку своей «корреспонденции» и тяжело выдохнул. Его отделение обслуживает сто двадцать домов, не считая организаций. Шестьдесят его и шестьдесят Елены. Другие жилые районы были за другим отделением, но, бывало, Олега могли послать и на «чужой» объект.

Синьевской – город многоквартирных домов. В каждом умещалось минимум по сто двадцать – сто двадцать пять квартир. Если Олег правильно помнил, то Синьевской населяло около восьмидесяти тысяч горожан. И у многих есть родственники в Серове и Карпинске.

Соответственно – едят и получают почту. Другого-то общения ведь нет. Телефонные линии у простых людей – только внутригородские. Значит, всех надо объехать.

Нужно думать о хорошем. О вечере.

По очереди Елена и Олег расписались в журнале, рядом с проставленным временем. Олег отправился в доставку, покинув отделение почты.

Разбавляя кофейный порошок кипятком, Денис вспомнил о правиле «пяти почему». Он уже не помнил, где его услышал (в литературном подкасте?), может даже прочёл в книге. Суть такова: правило помогает человеку разобраться в любой жизненной ситуации, задав и ответив на один-единственный вопрос, пять раз подряд, найти корень проблемы и срубить его.

За стенами с утра пораньше ругались соседи:

– Ань, ну пусти, Ань... – молебно просил муж.

– Иди туда, откуда припёрся, Миша! – жёстко ответила жена.

– Я больше не буду пить, обещаю...

Денис слышал похожие обещания от Миши жене Анне каждую неделю и не по разу. Иногда он думал, что был соседом взрослой парочки, для которой вся жизнь проходила, как один повторяющийся день. С одними и теми же диалогами, и ситуацией. Хотя у него сильно ли по-другому? И тоже живёт, не жалуется.

Миша был высоким худым мужчиной. В любую погоду за окнами общежития он ходил по коридору в одних трусах. Не важно – умывался или набирал воды в чайник. И ему никогда не было холодно, несмотря на брошенные курильщиками, открытыми форточки в коридорах. Но чаще всего дома Миши не бывало. Жена же была неприметной женщиной, но часто грубой, если ей что-то не нравилось. По серому цвету её кожи можно было предположить, что она мало чем отличалась от супруга и была не прочь выпить. Но пьяной Денис её никогда не видел – только мужа, спящего сидя вдоль прохода, откинутого к стене или двери собственной комнаты.

– Аня, открой. Я спать хочу! – Миша трижды стукнул по двери. Громко.

– Я тоже спать хочу, Мишенька, – сказал другой мужчина. Денис узнал его по голосу. Это был Максим – двоюродный брат Ани. Вахтёрши поговаривали, что в своё время он отмотал в трудовых отрядах приличный срок. Но по какой причине, никто не говорил, а может, и сплетничали, но Денис не привык доверять неподтверждённым слухам. – Вы как-то решите вопрос. Я ведь в следующий раз выйду, не посмотрю, что ты сеструхин муж. Быстро спать уложу.

Дверь захлопнулась.

– Что за жизнь... отовсюду гонят...

Денис подумал, а смог бы он вот так всю жизнь сидеть в коридорах, ругаться с женой и с ней же вместе жить. А может так, наоборот, было проще? Очнулся от опьянения – и новая жизнь, каждый раз.

Денис решил отвлечься от голосов за дверью и оторвал несколько листов из ежедневника с надписью "Прочитанные книги", взял ручку и принялся за мозговой штурм. Ему не терпелось проверить – действительно ли это помогает? Ведь где-то мелькала рекомендация выписывать все беспокоящие мысли, которые, как писал его любимый Кинг (в библиотеке сохранилось аж семь его книг) в «Мешке с костями», подобно псам, срываются с поводка и не дают покоя.

"Нужно обязательно купить ещё один ежедневник", – сказал он самому себе, но при этом, ни одного слова не сорвалось с его губ. Денис просто понимал, что двух маленьких листов бумаги ему не хватит. Ему хотелось научиться решать проблемы самостоятельно, но, как выяснилось, одного желания оказалось недостаточно, хоть многие сейчас и поспорили бы с ним, бросив возмущённое: *"Захотел бы, сделал!"* или *"Было бы желание..."*

Денис загорелся этим методом. Вся эта ситуация, где с одной стороны проблемы, с другой – неожиданный союзник, но при этом всё сводиться к риску – разрывала его. Он нашёл в памяти слово *пленник*. Да, именно им, он и казался самому себе – *пленником*.

Денис написал факт, прочертил от него стрелки и задал вопрос:

Меня поймали Инспекторские и поставили на счётчик за кражу, которой я не совершал. Почему? – потому что, я залез туда, куда не следует.

Денис немного подумал и приписал:

Они считают меня слабым и хотят подчинить.

Почему? – потому что им легче будет сбрасывать свои проблемы на меня.

Почему? – Потому что я один. У меня нет друзей, и я уязвим.

Почему?

Денис вновь задумался.

– Потому что не встретил подходящего человека. Или никто не встретил меня.

Почему? – Потому что работаю дворником?

Зачеркнул.

– Потому что чувствую себя неуютно в обществе. В моём обычном обществе.

Да, Денису нравилось общаться с Евгений Беккер. Без слов, через прочитанные и услышанные книги, но она не работала в Департаменте Уборки и не жила по соседству. Телом Денис чувствовал, как раскрывается, чувствовал, как его заполняет волна удовольствия, и он становится менее скованным и загруженным. Он знал, из очередной книги, что такой прилив называется дофамином, гормоном счастья. Короче, какая-то химия внутри организма. Он наступает, когда решишь сложную задачу или переделаешь все запланированные дела.

Хотя о каком обществе Денис, вообще, размышляет, если сейчас выкладывает все свои проблемы листикам из блокнота. Вот оно, его общество.

Однако чего-то не хватало.

"Ты на правильном пути, – шептал ему голос разума. – Задай дополнительные вопросы, и получи развёрнутые ответы!"

– Хорошо, давай попробуем, – на этот раз сказал он вслух.

Денис вспомнил, что на вопрос "*почему?*" нельзя начинать ответ со слов "*потому что...*", так его учили в приюте. Говорили, что это проявление неуважения к вопрошающему. Хоть он задавал вопросы самому себе, пообещал впредь так не поступать, взял простой карандаш и перечеркнул все "*потому что*".

Вновь ручка оказалась в его правой руке.

Нужно ли мне принять помощь от Олега?

– Да, потому что, – он зачеркнул «потому что», – одному трудно.

Подумав, дописал:

И вдвоём не так страшно.

Всё-таки хоть на этих листиках можно и нужно было быть честным с самим собой.

– Можно ли доверять Олегу?

Денис вспоминал лицо почтальона, его рассказ.

– Можно. Он, как минимум, заинтересован в добыче бутылок.

– Нужно ли слушаться планов Олега или настоять на своём, и пойти к Иванову с его бандой?

А на каком «своём»? «Своё» и есть – послушаться Иванова.

С виду Олег дерзкий, но плохим парнем его вряд ли назовёшь. А вот уверенным – да. С таким Денису будет проще, он это чувствовал.

– Лучшие попробовать вариант с Олегом. Предложение Иванова действительно выглядит подозрительно. Как минимум, сходяв с Олегом, ничего не теряем

Внутренний голос набрасывал варианты один за другим, и ему уже не требовалось марать бумагу. Да марать было уже и нечего – оба листка закончились. Денис уже вспоминал их вчерашнее обсуждение:

– Ты уверен, что они тебя не развели? Может, решили шугнуть, чтоб не шастал, где попало? Шутейки, может, такие.

– Да нет, ты что? – замотал головой Денис. – Видел бы ты их рожки. Мне так страшно, как в тот вечер, никогда не было. Даже не стесняюсь говорить. Думал, мне сейчас втащат. Хотя, может, лучше бы втащили и отстали.

– Ладно, верю. Не ссы, прорвёмся. Хоть задачка и непростая, но где сейчас просто. Денис тогда немного успокоился. Просто за счёт нескольких слов поддержки.

– И как же это решать? – спросил Денис. – Склад обнести? Или идти в леса – копать там где-то, или соглашаться на их вариант?

– А что за их вариант? – заинтересовался Олег.

– Да они сказали, что ты подходи, мы покажем, где можно нырнуть в шахту, или куда там, а моё дело – чисто принести.

– Звучит максимально стрёмно, если честно.

– Да я вот тоже чё-то как-то не уверен.

– Да это они, в лучшем случае, хотят подставить, если тебя запалит Служба Безопасности. А может, просто хотят на тебя все свои делишки повесить, а ещё и грамоту получить за поимку вора.

– Да уж, – Денис опустил голову. – Дёрнуло же меня полезть в ту комнатку. Полил бы вонь да ушёл...

– Не факт, – покачал головой Олег. – Такие типы, может, просто выбрали тебя... – он замялся, не зная, как описать Дениса, но тот и сам понял.

– Нашли самого слабого, – горько усмехнулся он.

– Самого незащищённого, – уверенно сказал Олег. В его голосе тогда была твёрдость и отвращение. – Такие стаей ловят одиночек, попробуй, выберись.

Они помолчали, доедая свою шаурму.

– Какой, ты говоришь, адрес у этого дома с их лазом?

– Курпатова, восемнадцать, а что?

– Да вот интересно, неужели, если они что-то тащат с шахт, то прутся через весь город, заходят в этот подвал...

– Ну они же с Инспектором, это как бы нормально выглядит...

– Может быть... Говоришь, там было пусто?

– Да, только вонючая одежда.

– Хм... Что они, сразу принесли и унесли? Ты знаешь, Ден, хорошо бы ещё раз взглянуть на этот подвальчик.

Денис прищурился:

– Ты что, хочешь стырить у них же тару? Это может закончиться ещё хуже, чем сейчас.

– Пока ничего не хочу, – уверенно сказал Олег, но в глазах Денис заметил огоньки. – Но взглянуть стоит. Это проблема?

– Да в принципе... нет. Можно вечером, когда народ вернётся по домам. А то, ещё пока сухо и не так холодно, гуляют на улице.

– Отлично. Тогда сходим.

– Правда, есть потенциальная проблемка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.